

Николай КОРОЛЕВ

КЕРЕНСКИЙ

Николай Королев
Керенский

«Моя Строка»

2017

УДК 82-313.2

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Королев Н. А.

Керенский / Н. А. Королев — «Моя Строка», 2017

Оклеветан! Осмеян! Позабыт! Никому ненужен! Проглатывая горькие слова преследовавших его лживых наветов изоощренной «официальной» пропаганды, пожилой Человек уходил из жизни. Он отдал свои молодые годы России, борьбе за ее будущее, за Демократическую республику. Умирал на чужбине, в одиночестве на больничной койке. Жизнь этого Человека, могучего неукротимой силой воли, талантами, верой в идеал Родины как Великой России, Человека железной стойкости, интеллигента в высоком значении этого слова, сложилась трагично. Он не боялся возглавить Правительство Демократической Республики. Взять на себя такую ответственность, когда Россия вела войну, по сути дела на два фронта, тратя ресурсы и истекая кровью, требовало большого мужества. И этот Гражданин России принял на себя управление государством. Своим гением он оставил на небосводе Планеты яркий след подобный, быть может, рождению во Вселенной Сверхновой Звезды. Происходящие в романе события, а именно жизнь Великого русского человека, оттенены другой, гипотетической жизнью, восходящей на N-е число «кругов» ввысь от действительности. Существовая параллельно, она стереотипна земной жизни. Да и родилась она из того же семени, что и все вящее. И по известному же принципу там действуют и люди, и гуманоиды-интеллектуалы. Творец-утопист Столпп мечтает покорить Вселенную. Вброшенный им в темную материю лозунг: «Планеты всей Вселенной соединяйтесь!» бродит, словно призрак в вечных далях. Робот-интеллектуал First считает, что это невозможно. В расчетной точке «Z» на краю Вселенной, где сходятся эллипсы орбит трех Планет, исследователи Звездных миров обмениваются информацией. Мысленное послание Fist с орбиты своему учителю на Землю, не может достигнуть адресата мгновенно. Мысли-слова рассеиваются безвозвратно. Столпп улавливает из космической пыли

обрывки сообщения. Но это не то, чего он ожидает. «Это не...озм...
ож...но...о...» Темная материя безразличная ко всему, поглощает
самое псевдо идею-иллюзию подчинения Вселенной диктатору и
провозглашения на ее просторах новейшего мегаобразования –
Социокоммунии. «Это не...озм. ож...но...о-о.» Последний квант
запутанных частиц-фотонов, словно эхо, умирает во мраке.

УДК 82-313.2
ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Королев Н. А., 2017
© Моя Строка, 2017

Содержание

Вместо предисловия	9
Книга первая	11
Часть первая	11
1	11
2	15
3	17
4	21
5	22
Часть вторая	28
1	28
2	29
3	33
4	36
5	38
Часть третья	46
1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Королев Керенский

На обложке: А.Ф. Керенский
Берлин. Германия. 1940 г.
БГАКФФД

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Н. А. Королев, 2017

© Издательство “Моя строка”, 2017

* * *

*Герою Демократической России,
Отдавшему жизнь Отечеству,
От благодарных почитателей
Его Гражданского Подвига!*

*... Ладно,
плюйте,
плюйте
плюйте –*

*Все же радость задарма,
Вы всегда плевали, люди,
В тех, кто хочет вам добра.*

***Е. Евтушенко
«Казнь Стеньки Разина»***

Вместо предисловия

Человеку Природа дала великое благо-Слово. Для беседы с собой подобными, для признаний в любви, например. Как впоследствии это станет понятно, Слово подарено Человеку в пользование исключительно на его усмотрение. Без инструкций и ограничений. Как ему вздумается, так он и распоряжается даром Природы. Во благо или во зло! По мнению некоторых больших умов именно в этом кроется величайшее упущение Создателя, его недо-смотр. Творец пребывал и пребывает во власти вселенской любви ко всему во что (в кого) он вдохнул жизнь. Иначе и быть не могло.

«И был вечер, и было утро: день шестой». Тогда, в шестой день сотворения мира, Он и мысли не мог допустить, что Слово, эта его благость Человеку во имя любви к нему, способно оборачиваться страшными грехами. Если, конечно, святотатство совершается по злему умыслу. Заключенной в слове силой можно очернить невинного человека, или, напротив, обелить преступника, навлечь несмыаемый позор на честного, а то и побудить иного к душегубству...

Что представляет собой наш мир? Он изрядно засорен изощренными деяниями клеветов, завистников, людей душевнобольных и несчастных, страдающих подозрительностью, а также доносчиков – стукачей, пышущих злобой по поводу и просто так. Да мало ли «специалистов» разных мастей, пробующих ради забавы свои силы в оговорах, и ликующих, наблюдая со стороны за плодами «трудов» своих.

Но согласитесь, весь этот набор «частных» злодеяний ничто по сравнению с организованной (системной) травлей Человека. Власть развертывает (она может это делать, когда захочет) кампанию гонения неугодного ей вплоть до изгнания из страны. Применяется такое, судя по СМИ, в некоторых государствах, в тех, где власть зиждется исключительно на силе, где есть слежка и доносы. Потребуется много поднять на щит славы, без права на это, или, наоборот, смешать кого-то с грязью, без причины на то, в работу вступают темные силы. И человек тут же или купается в славе, или выбит из колеи до конца жизни. Иные борются и погибают в борьбе, оставаясь в неизвестности, а то и с позорным клеймом врага народа.

Нам могут бросить упрек: «О чем это вы развели демагогию, Да, все это давно известно каждому школьнику». Не в бровь, а в глаз. Однако сейчас есть повод вспомнить известные истины применительно не просто к десятку, к сотне, не к тысячам, а к одному, к Человеку с большой буквы коренному россиянину Керенскому Александру Федоровичу, Правителю России.

Нет нужды отговариваться от нападков на Великого деятеля того сурового времени. Мутный поток их не иссякает до сих пор, так глубоко въелась в живую плоть лживая «правда». Здесь уже было упомянуто, что от этой скверны бывает не просто отмыться. И века не хватит...

Вся жизнь Керенского это есть Гражданский подвиг. Подвиг во имя Великой России. Есть ли ему равные по делам его и заслугам в ряду достойных соотечественников? Думается, он стоит в одном ряду с историческими личностями всех времен, порадевших за русскую землю. А те, недруги, в чьих душах светлое правдивое Слово вытеснено неправдой, не выходят на свет божий, не являют себя прилюдно. Хотя стоит заметить как отдельные «личности», ранжируя великих по заслугам, отводят Александру Керенскому место на задворках истории. Их лучше не касаться, предать забвению. Пускай их живут себе подкольной змеиной жизнью. И также нет нужды называть их поименно. Довольно и того что они знают себя и о себе, знают кто их науськивает. И сколько им за это платят. Племя, нечестиво относящееся к Божьему дару – Слово не перестанет расти и мно-

житься. Потому что изначально Слову не заданы строгие рамки, в которых Слову надлежало бы жить и совершенствоваться. А так остается только уповать на разум людской и ожидать, когда честное Слово восторжествует в мире.

Александр Керенский, черпавший силы в преданности и священной любви к России, не посчитал за унижение оскорбления своего имени. Он стоял выше наветов. За каторжный труд, говоря фигурально, в российской каменоломне на благо своего народа это была не осязаемая «плата.» Его воровски отставили от высокого поста и объявили вне закона. А он продолжал бороться за Россию, Верившие в него люди, а это без малого вся Россия, по зову сердца боролись вместе с ним против режима засилья и лжи.

Когда же стало невозможно, они способствовали ему достойно покинуть страну. Нет! Не бежать из страны, трусливо озираясь, как это изображает пропаганда, а гордо с высоко поднятой головой оставить Отечество. Но и за границей он не прекращал своей борьбы. Как и по обширной стране вспышки протеста не прекращаются долгие годы.

Он никогда не держал в руках оружия. Его силой было Слово. Правдивое, убеждающее слово. И это ему также вменялось в вину. Всё! Всё! Он! Он! Все что сделал он в грозную годину, никому другому не было под силу. А слюнявая молва как из подворотни, сквозь зубы: это не то и это не так. Да куда ему... Он даже не смог расстреливать, топить в баржах людей. Державу, какую! Прок-л. И много чего обидного и злого. А деньги? Эти керенки... Смех!

И все это ложь от начала до конца! Хотя бы российские ассигнации! Они имели хождение по всей стране вплоть до 22 года, были в обращении «самостоятельнее» многих других валют. А в мире они приравнивались к золотому рублю. «Керенки» – вовсе не прозвище, а звание купюрам достойное и возвышенное, но никак не обидное. Также и уездный красивый город в Поволжье, сходный по звучанию, лишен славного своего имени. Народ проснулся и себя не узнал. Что за наваждение! И ради чего? Ради кого? Чтобы не было повода сравнивать. Косили под самый корень. Без разбору. Ведь только в сравнении познается истина. Значит и следа никакого, даже чуть схожего, нельзя оставлять...

Кто ныне волен во весь голос крикнуть: «Довольно, насытились, отдохните!» Один век уже прошел, закончился!.. Пора и меру знать. Совсем не трудно отнять у человека его жизнь. Но лишить человека главного его достояния – Памяти о нем, никому не позволено и не доступно!

Отлить бы Правителю России, царские памятники по Руси, не скупясь! Упокоить его прах в родной российской Земле, справедливости ради! И слово доброе молвить...

А прощения, если кому-то не угодил, он не попросит. Горд без меры человек Россией!

Книга первая

Часть первая

* Канун 25 октября 17 года * Что пережито, то на весы времен положено * Упущенных возможностей не вернуть * Человек сам себе и швец и жнец и на дуде игрец

Творец Столпп и его отряд Андроидов-интеллектуалов в готовности к забросу в космос

1

Тронный Зал Зимнего дворца, как Высший символ, как Знак монаршего господства и Богом освященное место пребывания российских самодержцев, восхищает разум своим поистине царским великолепием. Великие зодчие создали эту жемчужину искусства по велению Неба, во славу Святой русской земли. Сами Наместники Бога на земле, Правители России, восходили здесь на престол. И с высоты Трона они обозревали Великие свои владения, видели каждого своего подданного, знали их дела и мысли, не оставляли их своей монаршей милостью и заботой.

Это волнующее, будто сказочное, видение живет с российским человеком с детства. Но вот сама явь покоится в этом Зале, Главном зале Зимнего Дворца, сердца России. Думать в Тронном Зале ни о чем другом, как не о России, недопустимо и даже невозможно. Само Тронное место и за ним изящный барельеф святого Георгия Победоносца на коне, поражающего копьём дракона, это ли не самая суть Государства Российского, распростертого под благодатным небом и источающего над собой божественную ауру!

Да, так это и есть! Но как-то ныне не укладывается этот факт в сознании. Волею провидения только одно это Тронное место на данный момент времени, а именно на 23 октября 1917 года, пока еще хранило дух Российской Империи. Пока еще. Зимний Дворец уже не походил на тот образец высокого искусства, каковой достался демократической Революции, именно демократической, а не иной, в метельном феврале переломного Семнадцатого. Революции, давшей Новой России статус правопреемницы от Старого русского мира. Роты юнкеров и в придачу им Женский батальон смерти, призванные охранять Дворец, не могли уберечь помпезность мирового шедевра. Сокровища, собранные здесь побуждали алчность чиновного люда. Назревала опасность полного разграбления Дворца. Но это было только самое начало поругания трехсотлетней династии Романовых. Просвещенная монархия России будет низведена до основания, до крайнего предела. И в весьма короткие сроки в результате переворота. Переворота, совершенного злонамеренно, не российским мужиком, но чуждыми самому русскому духу пришлыми извне авантюристами.

Человек с застывшим, будто окаменевшим, лицом, что указывало на его предельную собранность, вошел в Большой Тронный Зал, неслышно ступая по паркету, переливающимся перед ним всеми немислимыми земными цветами. Строгий военного покроя костюм, модная обувь с гетрами, весь вид его скорее указывали на него, как на прирожденного интеллигента, нежели как на человека военной косточки. Подвижное выразительное лицо вошедшего, вопреки обычаям старины, начисто лишено мужского украшения в виде бородки, усов и бакенбард. Выбрит и подстрижен под бобрик умелой рукой, он являл собой образец современного денди в возрасте за тридцать лет.

К слову сказать, эта его природная элегантность, подчеркнутая тонким дыханием французского парфюма вызывает злобную неприязнь к нему недоброжелателей. По их мне-

нию, это свойственно только артистам. Но человек этот был таким, каким он есть. Даже в короткие минуты на пороге Зала. Его сдержанность и, в особенности, взгляд, как бы обращенный в себя, подчеркивали незаурядную силу воли и железную самодисциплину этого человека. Он вошел в Тронный Зал в первый и, видимо, в последний раз. Именно таким образом складывались мысли его в первое же мгновение, с первым же вздохом как он ступил в этот святая святых Зал.

Коснувшись рукой ослепительной беломраморной колонны, осязая ее приятную прохладу, прислонил к ней горящее от волнения лицо. Внешне он ничем не проявлял необычного своего душевного состояния. Разве что вот это почти неуловимое и, казалось, непривычное движение левой рукой выдавало его: кисть руки мягко собранными пальцами легла за спиной на свое привычное место на уступе поясницы.

Как все долготрущие люди, он испытывал со своими руками некоторые неудобства, постоянно подыскивая им место на себе. Чаще всего это замечалось, когда он, уняв волнение, приходил в обычное свое ровное состояние духа. Тогда и правая рука находила себе излюбленное местечко за бортом верхней одежды между второй и третьей пуговицами. Большой палец руки находил там себе покой. Так этот человек обретал умиротворение взволнованным нервам.

Это не фарс, не подражание, а всего лишь его привычка, идущая от строения фигуры. Одни по той же причине с важностью скрещивают руки на груди или, наоборот, складывают ладони одна в другую за спиной. Кто-то удовлетворялся тем, что погружает руки в карманы. Такая уличная привычка вообще являет собой полное бескультурье человека, выдавая его узко сословную принадлежность.

Здесь и сейчас в Тронном зале человек с виду был тверд, спокоен и уравновешен. Но натура его на этот раз будто отступила от собственных правил: вместо спокойствия внутри себя он держал бушующий вулкан, требующий льдистой ясности мыслей.

Двусветное парадное помещение открывало в бронзовом свете позднего осеннего солнца перспективу на Петропавловский собор, на иглу Адмиралтейства, на мрачные стены бастионов цитадели, на немую в граните, словно вылитую из стекла Неву, простиравшуюся от итальянских витражей фасада Дворца. Все это также являло собою символы Величия России, ее могущества и неповторимой русской красоты, но ныне России недужной, раздираемой изнутри, будто снова вернулось к ней из небытия Смутное время. В не угоду стране кто-то бросает и бросает ей беспрестанно в объятья, якобы, борцов за народ, а на деле безродных чужаков не чистых на руку, алчущих господства и легкой наживы.

Умиротворяющая тишина Тронного зала изливалась невидимыми волнами на одинокого человека. Его привела сюда мысль, не совсем еще ясная для него самого, но неотступно следующая за ним. Возникла она в тот день, не совсем еще далеко отстоящий и поэтому хорошо запомнилась. Он, герой Февральской революции, ее инициатор и известный на всю страну бескомпромиссный борец за новую демократическую Россию, надежда прогрессивной части населения страны, Александр Керенский в тот день негласно посетил оставившего российский трон Императора России в его заточении.

По личному Указу его, Министра-Председателя Правительства Александра Керенского, Николай Второй с семьей находился под стражей в Царскосельском Александровском Дворце. Дальнейшая судьба монаршего семейства пока еще никому неизвестная, висела на волоске. Коронованный британский родственник подло отмолчался на просьбу Романовых дать им убежище в своей стране.

Керенский не мог оставаться безучастным к Императору. Как великодушный русский человек, он не считал царя врагом ни для себя лично, ни для России. Хотя все беды на царя пали по мановению руки этого человека. Нельзя осуждать монархию такой, какой ее сотворила история. Как нельзя предъявлять требования к каменному веку или к первобытно

общинному строю, что они были таковыми, каковыми были, а не иными. Это не их ума дело, нынешних разномастных политиканов. Всякий государственный строй есть порождение своего времени. При Императоре Россия славилась могуществом, строгим уставом и порядком и Керенскому Россия досталась, хотя и ослабленная войной, но способная противостоять и даже одержать над германской армией победу. Силы ее еще далеко не исчерпаны. Так в чем же повинен монарх? Кто жаждет его крови? Иноземцы, зараженные большевизмом как проказой, возмечтавшие покорить Россию чужими руками, толпы праздных интеллигентов, деклассированных пролетариев, иных любителей потехи! Немногие, но только не российский народ в своей массе и не он, Керенский, пылали мщением.

– Не мог ожидать! Не смел надеяться! Приятно удивлен! – Николай Александрович Романов, полон радушия, шел с этими словами навстречу неожиданному визитеру. Экс-Император Николай II приготовился было к другому приему, но на ходу заменил слова «ожидал», «надеялся» на противоположные, чтобы не дать преемнику почувствовать истинное отношение к его статусу. Еще подумал было спросить, принятое в таком случае, дескать, какими судьбами Вы к нам ноне пожаловали? Да воздержался. Мещанство это. И высказал, что в думах выпестовал.

– Поговорить нам пришла пора... Не так ли, Господин Правитель России?

– Ваше Величество...

– Оставьте. Это лишнее, совсем ненужное, – мягко, как бы с досадой заметил Романов. – Поговорим без титулов. Как я полагаю, наша встреча приватная. Правильно я Вас, Александр Федорович, понимаю?

– Именно так, господин полковник. Мы, я намерен Вам предложить способ, путь...

– Об этом позже... А вот о главном. О будущем нашей с вами России. Не спрашивайте, как мне живется взаперти, в изоляции и без свежего воздуха. Для этого не найти нужных слов. Их просто не существует. Как-то приходится преодолевать информационный голод. Я нахожу Ваши усилия на посту Главы России, осмелюсь добавить, своего преемника, довольно точно соответствующими ситуации. Вы прирожденный государственный деятель. Не посчитайте за лесть, я рад за Вас. Безусловно, рад! Но и у Вас, я вижу, жесткий лимит на знающих и преданных Вам исполнителей. В этом заключается извечная русская беда. По складу своему русская благородная душа подчас страдает от нашего неумения отличить хитрость и коварство от благодеяния. Мы слишком доверчивы. Да! Это так! Излишне доверяем... Этой нашей русской национальной чертой характера пользуются все, кому только не лень. Ведь только слепой не видит, а слабоумный не понимает, как легковерного российского мужика труженика авантюристы заманивают пустыми посулами в свою кабалу, обращают в свою веру.

Беседа двух великих людей дышала доверительностью, благими помыслами. Экс Император во все время аудиенции пристально и с интересом смотрел на преемника и слушал его совершенную русскую речь. Он видел перед собой незаурядную личность. Думал, с такими знаниями и таким дерзким задором этот молодой человек способен достичь многого. Он на верном пути. Но время?... Будет ли оно достаточным, чтобы разрубить тот мифический Гордиев узел, который, подобно фригийскому царю, затягивают над Россией противные силы. Окажется ли в руках Александра Керенского такой же меч, каким Александр Македонский рассек узел царя Гордия. А кто может знать это? Нет во всей стране такого прорицателя! И мысль его пошла по иному пути.

– Вы, господин Керенский, как я догадываюсь, собираетесь устроить мне побег из страны, как преступнику, который боится неминуемого возмездия. Это ведь так! Не отказывайтесь... Вы, безусловно, правы. По-своему, конечно. У меня же иное утверждение, которое я не намерен ни с кем обсуждать. Потому что на мне нет ни единого пятнышка вины. Я оставался на троне пока подданные Российского престола верой и правдой служили мне,

своему монарху, полагая меня отцом своим, данным им Богом. Когда этого не стало, говоря простым языком, Император оказался не у дел. Невозможно управлять подданными силой, принуждением. И как итог, вот он здесь, под арестом, не питает никаких иллюзий. Почему о себе говорю в третьем лице? Думается, понятно. В чем же ваше предложение состоит? Интересно услышать...

– Ваши верноподданные, они есть и их миллионы в стране, не желают Вам ничего плохого. Хотят помочь своему Государю. Есть люди, видящие своим долгом всячески способствовать Вам и вашей семье в достойном отъезде из России через Мурманск или Архангельск. Говорю это от себя и от их имени и искренне заверяю в благополучии предприятия.

Слушая доброхота, Экс Государь Российский, думал о своем. Вот он последний Император в роду Романовых, хорошо ли, плохо ли, завершает теперь династию. В праве ли он покинуть Отечество свое? Подобно Вильгельму Второму, отвергнутому кайзеру германскому, в ночную пору пешком ушедшему через границу в соседнюю страну. Нет, не вправе поступить подобным образом! Рожден Романов русским, а русские дороже жизни чтут родную землю. Он православной веры человек, в душе своей носит Бога. Следовательно, долг его поступить по – Божьи. Как Бог велит!

На том и окончена была приватная беседа. Удовлетворил ли их этот разговор с глазу на глаз? Скорее да! Они остались каждый при своем мнении. Правитель России посчитал аудиенцию оконченной, поднявшись с кресел. Николай Александрович Романов также не видел в лице Керенского своего врага. Напротив, чувствовал некоторое расположение к молодому одаренному человеку.

Александр Керенский, первый за всю российскую историю законно избранный Правитель России, не казнил себя тем, что он не жалел ни себя, ни других на государственной службе, и ни тем, что он и его Правительство не достигли поставленной цели. Возможно, в тот момент времени она не являлась достижимой. Никто не был властен над ней. Цели высокой, несущей народу свободу и благоденствие, а государству могущество. В то после февральское время он, возможно, один-единственный из всех, отчетливо видел контуры будущего обновляемого государства. В кругу мужей, стоявших у кормила власти, не было другого Александра Керенского, который, очертя голову интуитивно взял бы на себя великое государственное дело ответственно и уверенно со знанием управлять огромной страной. Управлять на самом крутом изломе ее исторического хода, когда в ее плоть впились, словно вампиры, мировые кровопийцы. Управлять в условиях войны, войны затянувшейся и непопулярной в народе. Войны с неисчислимыми жертвами и лишениями, породившей разруху всех основ государства. В условиях наглого предательства, саботажа и открытого противостояния. Борьбы на два фронта: против Германии и против ее тайной колонны внутри страны большевиков и в купе с ними анархистов всех мастей.

Министр-Председатель Временного правительства сумел, в те 100 дней отпущенных ему, наладить функционирование госаппарата, принять неотложные законы, приступить к реформированию в сфере производства, в армии, судебном деле. Тлетворная большевистская догматика, фальшь не прошли даром, сломили веру людей в добро. Довели до кровавых преступлений, когда брат шел на брата, межа ненависти разделяла семьи, делая из них врагов. Требовалось многих трудов, чтобы разубедить массы, направить их устремления на созидание.

Правитель России пребывал в Тронном Зале в одиночестве, стоя у колонны не шелохнувшись, будто слился с ней, прижав руки к ее беломраморной поверхности. В Зал он вошел произвольно. Может сам не знал, зачем он здесь. А, возможно, подсознательное чувство, порыв души сами по себе позвали, повели его сюда. Подсказали – так надо! Думы мрачнее одна другой обуревали его сознание. Неслучайно вспомнился разговор с царем. И резюме: судьбы их схожи. Очень даже схожи. Особенно последние аккорды. Сия минута ему открыла

со всей обнаженностью всю несправедливость его положения, также как и заката Дома Романовых.

Поэтому не случайно Председатель Временного Правительства России оказался на царском месте. Здесь у этой колоны. Могло почудиться на долю секунды, что человек этот своей могучей, атлетического склада фигурой подпирает свод огромной державы. Хочет удержать, как Аполлон, на своих плечах одну шестую часть суши планеты Земля, владений России. И мог бы держать. Символически ведь так и воспринималось. Но перед ним уже пролег рубеж, правильнее сказать, два рубежа. И он, Керенский, между ними. Обстоятельства подстроили ему эту хитрую западню. Западню, в которую он вошел сам, хотя и не без посторонней усердной помощи.

Да что же произошло на Белом свете, от чего ему так мучительно больно на сердце. Где, когда он сделал неверный шаг. Неужели годы на государевой службе не дали ему нужного опыта на поприще управления страной. Дали, он знает это. Иначе не принял бы тогда, в июле, «навязанного» ему предложения. Он не карьерист, как это кажется тем же Некрасову с Терещенко, даже обоим Львовым, многим другим его нынешним министрам, настоящим и бывшим. Почему они не увидели его души, открытой для них и для всех с кем общался и с кем работал. Зазнайства и зависти, этих низменных наклонностей, никогда не знал и не испытывал. Недолюбливал тех, кто был поражен ими. Тот же Милюков Павел Николаевич, с виду добр и покладист, но как заносчив. Эпизод с его отставкой показал всю неприглядность проявленных им качеств. Чего же он, Керенский, не смог увидеть, понять, упредить в той напряженной, кажется, до помрачения ума, своей работе. Нет! Не мог он ничего оставить вне поля своего зрения. Быть почти сутками на ногах, в непрерывных делах. И он жил этой работой. Этого требовала страна, в которой совершилась демократическая революция.

По гулким анфиладам Зимнего Дворца простучали похожие на барабанный бой шаги. Простучали и затихли. «Вот некстати». – Досадуя, отвлекся от мыслей Правитель и, обернувшись встретил вошедшего вопросом:

– Какую весть вы, господин Барановский, принесли мне на сей момент? – Министр-Председатель выговаривал тираду нарочито напыщенно, не выдавая свою горькую думу. – Чем вы порадуете меня, почти брошенного всеми горе – Правителя, выпустившего из своих рук государство. Неужели большевики отказались брать власть, когда она помимо нас сама валится им под ноги? – Он чеканил за словом слово – слова жуткие в своей сущности, а по лицу у глаз сквозили тонкие черточки скупой смешинки-улыбки, признак наступившего в нем равновесия между умом и сердцем.

Но вот он снова, этот минутный всплеск тягучей неопределенности, проскользнул в его сознании: «Он, Керенский, если не замурован, то накрепко заперт в тупике!» Встал извечный вопрос, как третья, как роковая преграда: Что делать. Есть ли у него хотя бы один шанс? Возможность спасти не жизнь свою, не выкрутиться любой хитростью и выйти сухим из воды. Об этом и мысли нет. Но есть ли у Правителя Керенского хотя бы малый шанс спасти Россию... Его ни на минуту не отпускал этот назойливый вопрос, удерживал, требовал искать ответа.

2

* Ответственность, она кандалами руки вяжет * Пусть берут ее на себя кому охота *
А наша хата с краю

Александр любил своего родственника – брата Ольги Львовны Барановской, обаятельной жены своей. Всегда хотел видеть его, кадрового офицера, фронтовика-артиллериста, подполковника. Держал его подле своей персоны, возвел в чин полковника, затем – генерала. Для соответствия положению. Поручал ответственные дела. Вот и накануне, и весь сего-

дняшний день генерал-квартирмейстер выполнял не свойственную ему работу – уточнял расположение верных Правительству боеспособных войск. Войск, на которые еще можно положиться, чтобы бросить их на защиту революции. Или! Или... Надеяться на чудо? Только это и оставалось у Правителя...

– Вы, Барановский, мне докладывали, что у большевиков – наших недругов, не в пример изворотливых и коварных, появился лозунг применительно к сегодняшней ситуации. «Промедление смерти подобно»! Кто это у них так жутко констатирует ситуацию? На Ульянова это похоже. Он что, неужели все еще в подполье, носа не кажет, мечет оттуда свои записки. Помню, помню его озлобленные глаза, большой и красный от крика рот. Меня пугали его глаза, когда я был еще ребенком. Тогда наши семьи водили дружбу. Не от нас ли он ныне смерти ждет? Да он сумасшедший! Скорее своей ложью сами себя погубят. Не сегодня, не завтра, но погубят. Ложь вечно не живет! Мы же не варвары. А намек большевистский больше нам сейчас кстати. Вероятно, время «Ч» у них уже пошло! Нам также пора поспешить. Владимир Львович, готовьте отъезд. В Гатчину или в Псков, будем иметь пока в виду и то и другое. А там...

Керенский не высказал до конца противную ему трусливую мыслишку, уйти в подполье, скрыться, отказаться от самого себя. Но такое дело ему не по нутру. Он трибун, публичный политик. Оратор. Перед ним должны тесниться народные массы. Первыми брошенными в неуправляемую людскую гущу фразами он подчиняет ее себе и тут же обращает толпу в несокрушимую силу. Его могучий баритон, пожалуй, один на всю Россию такой убеждающей силы, и эту его силу знают и помнят в окопах, на площадях, в стихии митингов, собраний. Его знали и знают, он надеется, как своего, как нестигаемого борца за правое дело.

– Выехать из Столицы вам будет не просто: все пути перекрыты. Александр Федорович, ну поручите мне хотя бы определить или подыскать безопасный маршрут следования, способ маскировки? Чтобы без эксцессов. На дорогах патрули, толпы пьяных...

– Нет! Категорически нет. Никаких тайных троп! Никакой подделки внешности! Маскарада! Слышите!? Без переодевания. Я в своем военном френче. Все как всегда. – Резко выговорился Правитель. – Мы у себя дома. К тому же мы – законная власть. Двух правых властей в одном месте не бывает. Вторая – преступная. Да меня самого просто невозможно сделать незаметным, сам видишь, Владимир, каков я ростом. Бывало, только приближаюсь я на авто к фронту, а войска уже узнают меня за версту. Встречу устаивают волнующую. Так-то вот, генерал. А вы советуете мне ряженым походить. Это паникеры и трусы в страхе готовы влезть в чью угодно шкуру. Да что далеко ходить, вспомни, когда за Ульяновым, нашим так сказать, главным провокатором, по пятам гнались наши сыщики, готовые арестовать его. А он выказал ловкость незаурядного вора – под покровом ночи в шубейке и в платке с узелком в руках пробрался к платформе Финляндского вокзала. Так и скрылся под личиной старухи, чем осквернил святой образ пожилого человека.

– Есть в одном посольстве авто, не отступался от своего Барановский.

– Вот это, пожалуй, может нам пригодиться. – Вскинулся Александр Федорович. – Автомобиль-вещь, необходимая, к тому же, говоришь, посольская. Принимаю, Владимир, твое предложение. Только одно неперемное условие: мы едем в одной колонне с этим посольским авто. На своей автомашине. Сделайте именно так! Время подберите сами. Без дрожи и боязни делайте все, ничего не упустите. Враги наши должны бояться, но не мы, законная власть. То, что мы в данный момент переживаем, это всего лишь эпизод борьбы. Хотя и драматический...

Глава правительства фактически отстраненный от государственных дел, как и его кабинет, произносит свой монолог не для шурина-генерала, но для себя. Убеждает, внушает, вживается в несвойственную ему новую роль. Ее, эту роль, ему предстоит исполнять возможно уже завтра. Но он не может не произносить речи, не может остановить внутренний моно-

лог. Изменить направление мысли, ход самоанализа, поиска единственного верного способа решения школьного уравнения с одним неизвестным: что делать?

Думать. Решать. Думать. Как это привычно стало. Вот оно, горе от ума, пришло, само явилось тут же. Много думаешь, много на себя берешь. Горе...

А Россия-страна!? На чьи плечи она возложит свою судьбу. Нашей Революции приходит конец? А какое ликование, а кому-то и горькие слезы несла она с собой. Царь неугоден был! Подавай иных! Не разобравшись, кто такие вошли во власть, новые голоса громче прежних выкрикивают: долой министров-капиталистов. Поют с чужого голоса, но все равно им приятно на душе. Надо же так подладиться большевикам к народу, к солдатам? Потому и подметки рвет народ, не жалея ни обуви, ни глоток своих. А как с целой страной быть. Спасать или бросить. Бери, владей, кто хочешь, так или не так...

Он, Керенский, отступает от нее? Или верит еще, сорвется у большевиков их авантюра. Новые государственные переустройства и порядки не привозят издалека в plombированных вагонах в страны, помеченные воровским значком, как возили когда-то Бурбонов в фургонах, видимо примеряя их на себя. Метко подмечено. Ульянов употреблял эту формулу неспроста. Это его критические измышления в адрес политиков, утверждавших, что революции можно экспортировать из страны в страну. А не так ли это?.. Да, он Керенский верит в провидение. Не пойдет Россия по ложному пути. Не пойдет! Никогда! Пусть не он, Керенский, другой Русский – вон их сколько на неоглядных просторах, не в это, в другое время развернет Россию на правильный курс. Это неизбежно, как восход солнца.

3

* Ночь рождения Новой России * – Кто власть берет? – Да все те же... * Править не спину гнуть, легкое это дело. И доходное для тех, кто нуждается

Колючий ветер гонит снежную крупку по замерзшей Неве, по Шпалерной улице, заставляя прохожих прятать лица в воротниках. Поземка бьется о крутолобые сугробы, оставляя заструги на асфальте. Тем, кто ехал в этот час в закрытых авто, метель не слепила глаза. Им было все равно, зима ли это злиться или весна так вступает в свои права. С улиц Екатерининской и Потемкинской экипажи подворачивали к горящему огнями Таврическому дворцу. Уже ночь ложится на город Петра, а здесь что-то только затевается.

– В чью честь оказия случилась? – Любопытствовали прохожие. Такой иллюминации не припомнят еще со времен, когда хозяин дареного Императрицей сия Дворца, вельможный фаворит самой матушки царицы Григорий Потемкин, удачливый князь в славе великой пышно отмечал взятие турецкой крепости Измаила. Народ валом валил тогда к бочкам с вином, кои выставлены были повсюду вокруг Таврического, или Крымского Дворца.

Разговоры на крепком морозе злые, умные, глупые, а больше пустые:

– Ныне торжества устроены по случаю отнятия власти у царя-батюшки и взятия ее в свои руки людьми, видящими далеко вперед того ради, чтобы вести туда православный люд. – А кто они те поводыри-то? – Здесь и сейчас объявят. Подождем, если не промерзнем насквозь. Стужа страшная как назло объявилась.

– Шутка ли! Новая власть нарождается. Другая, непохожая, лучше прежней. Надежная власть, поживем, увидим, может быть!

В Екатерининском Зале Таврического дворца взволнованно-гулкая тишина. Так бывает, когда все говорят, но никто никого не слушает. Здесь думские депутаты, отпущенные Императором на свободу, знать как всего три дня назад. Здесь министры правительства, назначенные еще при старой власти. Также свободные от дел. Оба властных органа в полном составе находятся в зале со своими прежними руководителями Родзянко и Львовым. В воздухе витают вопросы: «Какие действия предпримет вновь избранный Глава. И кто он пер-

сонально. Кому предоставлены полномочия назначать и утверждать высших должностных лиц?» Императора уже нет, а без него и власти нет Вопросы пока без ответов висят в воздухе.

Общество высшего чиновного разряда собрано здесь не из случайных особ. Эти чины давно и хорошо знают друг друга. Это так называемые старожилы Таврического дворца. Новичком можно признать лишь одного молодого и рьяного Керенского, успевшего блеснуть талантами. Из молодых да ранних – говорили об Александре в высших кругах. Вполне справедливо. Избранный от партии трудовиков в Четвертую Государственную Думу он быстро затмил славу некоторых закоренелых в своих креслах депутатов. Высшее общество приняло Керенского в свои объятия.

Образно говоря, здесь собран готовый материал-сплав опыта государственного управления с энтузиазмом применения его на практике. Это очень важный фактор в руках Революции. Такой орган пока еще не существовал. Он мог лишь угадываться. Мозг Республики, и так уже можно именовать Россию, работал во всю Ивановскую. Прилюдно и заочно выявлялись и устанавливались деловые связи, осторожными намеками давались советы, высказывались просьбы, обсуждались кандидатуры, кого и на какое место посадить бы желательно.

Масоны, они только одни знали, что они масоны, такая у них ведется конспирация и преданность самим себе, тайно советуясь, ту же других вязали свой узел. Ни кто не знает и знать не будет, что их каста займет в новом властном органе половину мест. Или более того. Масоны уверены в деле, которое они делают своими руками.

«Временный комитет 4-й Госдумы». Это звено, сцепка, мостик, переход к «настоящему» времени. М. В. Родзянко сам придумал название. Сам и взялся формировать Руководящий орган. Когда его спросили: кто поручал Вам это дело, парламентарий ответил неопределенно, рассеянно разведя руки: «Никто не поручал конкретно. Возможно вот она – Революция ... Наверно, все-таки она, революция.» Утвердился в своей догадке находчивый политик. Да и те, кто принимал участие в рождении Республики, сами прикидывали на себя назначения, которые были им желаннее. Как водится, случались и оговоры, и нарекания, и обвинения. Назывались вещи своими именами: тот бездарен, а рядом с ним, фальшив, этот предатель, а те участвуют в тайном заговоре. Диву давались некоторые несведущие.

Однако это не означало, что Екатерининский зал в этот решающий момент представлял собой растревоженный улей. Отнюдь! Здесь украшением зала являлись сами присутствующие в партикулярном наряде с иголки, на показ выставлены их интеллигентность и культура, великолепное сочетание языков русского и французского, и изящество жестов. Этикету, кто вступает в Свет, подолгу учатся, а еще лучше, когда светскость передается по крови, по наследству. В Екатерининском находились именно наследственные. Сама атмосфера здесь состояла из сотканых воедино особых молекул кислорода и азота, и тонкой примеси нейтральных атомов. Собранные в букет, они, казалось, насыщали божественным ароматом этикет изысканного общества.

В «закулисье» вдаваться нет надобности. И без того все предельно ясно и понятно. Новый Высший законодательный и исполнительный орган государства создан. Его состав вот-вот будет оглашен. Официальная дефиниция (Definitio.лат.) ему уже определена как Всероссийское Временное правительство. Высший орган законодательной и исполнительной власти. Главное дело сделано. Теперь разбирайте портфели, господа!

Милюков Павел Николаевич вошел в зал. Глава оппозиционных партий, он имел, видимо, особые полномочия, также данные ему самой революцией. Обведя ряды кресел медленным поворотом головы, словно заглядывая в души экс-министров и депутатов, поднес к глазам гербовый документ, подержав с минуту, опустил руку с документом и начал говорить. Голос его надменный и с заметным потягом, звучал будто с неохотой. Дело привычное, читать по гербовой, но он как-то выделял некоторые фамилии.

– Господа! Попрошу предельного внимания. Мне выпала честь довести до Вас и до всей страны Акты государственного и мирового значения. Создаваемое правительство представлено известными политическими деятелями, способными с Божией помощью вывести Россию на путь неуклонного развития. Приветствуйте господ надежду земли Русской, князя Георгия Евгеньевича Львова – премьер-министра и министра внутренних дел, Александра Ивановича Гучкова – военного и морского министра, Михаила Ивановича Терещенко – министра финансов, Александра Федоровича Керенского – министра юстиции, Владимира Николаевича Львова – обер-прокурора Святейшего Синода...

Всего 16 министров. Себя Павел Николаевич Милюков поименовал министром иностранных дел.

Благородное тщеславие переполняло все существо Александра Федоровича. Гордость свою, казалось, невозможно унять, и тем более утаить. Чувство собственного достоинства волнами плескалось у самого сердца, кружило голову, размягчало мозг. Хотелось бесконечно плыть как по волнам, и думать: вот какой я, Александр Керенский, есть!

Известно, тщеславие это есть одно из важнейших качеств характера человека. Оно способно возвысить его, подвигнуть на самые невероятные благородные поступки, зародить в душе большую любовь. Тщеславие генерирует все прекрасное на свете. Известно так же об излишнем нездоровом возвеличивании самого себя, о самолюбии. Но может вселиться в душу человека и дух уныния, как противоположность бодрому взгляду на жизнь. Это те же антиподы: плюс и минус, лед и пламень, любовь и ненависть и проч. Ну чего ждать, к примеру, от того, кто на все машет рукой? Мало хорошего.

Александр Федорович не впал в эйфорию от влияния благодетельных волн на чувствительные рецепторы его души. Он уже вкусил от сладкого плода-Славы, став депутатом Государственной думы Четвертого созыва. В ранге министра юстиции он в меру тщеславен, лишь как-то иначе увидел себя со стороны, свое окружение, обязанности по статусу министра в правительстве князя Георгия Львова. Свой личный долг перед страной, такой больной сегодня. Вскружить голову молодому выскочке могло еще одно неожиданное предложение. Выдвижение, последовавшее сразу же за первым. На его месте иной бы заболел чрезмерным тщеславием, но не Керенский.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, созданный в столице в это же время, посчитал, что на должность товарища председателя, лучше Керенского, кандидатуры не подобрать. Так решил сам Чхеидзе Константин Семенович, председатель Совета. Да и в самом народе считали его своим выдвиженцем. И его избрали в Совет. Но как совместить свою деятельность, сидя на двух стульях в Правительстве и в Совете, политические цели которых не совсем совпадали.

Случай из ряда вон выходящий. По сути это две власти. Двоевластие. Так окрестили ситуацию большевики, приспособившая ее под себя. Они умели из всего извлекать пользу для себя, даже из «ничего». И он, Керенский, должен служить им обоим, Временному Правительству и Петроградскому Совету. Резонно заметить, что этот орган возник из ничего и на пустом месте. Дело случая: поговорили меж собой люди от групп и партий разных и готов совет. Люди те были умные, знали, насколько сильна тяга человека к единому центру, к коллективу. Закон даже имеется центробежной и центростремительной силы. А Совет сам идет им в руки. Тут же оформился, взял громкое имя, вырос количественно. Большевики такое не упускают. Возглавили.

– Я не имею права принять ваше предложение. – Заявил Керенский в Петроградском Совете, – Прежде мне следует поставить в известность Министра-Председателя, получить его соизволение...

Знал Александр Федорович, что его окружение отнесется не весьма благожелательно к свалившимся ему на голову почестям. Люди не одинаковы по характерам, но в одном они,

кажется, более роднятся, нежели различаются. Не любит человек, когда кого-то выделяют, а его не замечают. Самолюбие здесь играет роль. Наш герой умел отличать тех, кто способен на всякие колебания, пусть мелкие, от людей цельных и крепких по своему складу. Есть у него один из таких настоящих, верный, друг не друг, а надежный. По взглядам, главное же, по масонской ложе. Нравственно-политическое единение их скрепляет. Коновалов А. И. – член IV Госдумы, министр торговли и промышленности. Свой в доску. И на тебе, финт выкидывает.

«Так-с, уважаемый, – Обращается он к Керенскому с деланной ехидцей, – А скажите, как нынче вам живется. – Спрашивает Александр Иванович с умыслом, чтобы уколоть приятеля, – Не тяжело вам тащить государственную ношу? И министр, и товарищ Председателя, и у нас, масонов, генеральный секретарь. Полный букет!»

Отшутиться бы следовало, да на колкость также надлежит колкостью и ответить.

– Александр Иванович. – Говорит Керенский, как бы с сочувствием к нему. – Ноша эта моя, она не тянет. О Вас нынче больше пекусь: в принцип возвели свое кредо, от министерского поста отреклись. На что такое похоже. Дела государства Вам нипочем. В сторонке прожить собрались. Этак что ли? Не ожидал от вас такого поступка. – И чтобы избежать обиды, изменил тему. – Не желаете поздравить меня с радостными для меня вестями? Хотелось бы услышать добрые слова в свой адрес ...

Без трений в работе не получается, особенно государственной. Это не пироги печи. На службе этой, что ни человек, то чин высокий. И гонор великий. Однако есть и разница в людях. Взять Керенского, молод годами, да ранний. Уважение в жизни сам добывает, без протекций и влияний...

Согласие без промедления ему было выдано. При этом Александр Федорович сделал важное заявление, что он ни при каких обстоятельствах не изменит делу борьбы за справедливость и за права народа. Такое его твердое слово. Нужно ли говорить, как поднялся его авторитет в массах. Имя Керенского оказалось на слуху в больших и малых городах, народная молва понесла его имя на своих крыльях над страной. Это действие произошло за восемь месяцев до 24 октября от ночи с 1 на 2 марта 1917 года.

Много воды утекло в быстрой реке Времени между мартом и октябрём. Александр Керенский поднялся до предельных высот, и крутизна их требовала от него постоянного учета обстановки в стране. Широко шагнул – далеко кругом видеть должен. Под боком тихой сапой разлагают порядок в стране большевики, вот-вот наберут силу и заявят о себе – мы власть есть! Развели смуту в народе и взяли за горло желанную. А он, Керенский, со своим Временным Правительством потерпел фиаско. Что же гений-то его не сумел побороть толпу!? Но так ли это было на самом деле.

Вот в чем заключался первый и главный вопрос... Готовый ответ на него был же, конечно, у самого Керенского. Это он держал в своих руках судьбу России. Казалось, что стоило ему развернуть массы в сторону от гражданской войны, отвратить резню и разбой в российских деревнях, в бедных крестьянских избах под соломенными крышами и с пустыми хлебными сусеками. Ведь именно там, по ним, через деревни и избы, должен проходить фронт гражданской войны. Это его главное направление. Фронт пройдет, оставит за собой пепел, кровь, могилы. Да, действительно, чего стоило ему, Правителю России, осуществить, на самом-то деле, такой разворот несчетных масс народа? Ровным счетом ничего. Или совсем немногого. Призывного слова, самого малого шажка, взмаха руки. Увы, этого-то как раз и не хватало, чтобы отстоять и сохранить завоевания демократической Революции.

4

24 октября 1917 года. Утро. Санкт-Петербург, улица Тверская, 29, что не далеко от Таврического Дворца

Разговор супругов никак не вязался. Односложные вопросы-ответы: «да – нет, куда – не знаю, когда – с часу на час» – оживления не добавляли. Молчаливые паузы, боль в глазах. И ни чего более. Ни упреков, ни обещаний, ни извинений и просьб. Ничего этого. Сентименты в семье не были приняты. Супруг и супруга не смели встретиться взглядами, боясь увидеть в них тоску и трепет душевный. Увидеть что-то до жути страшное, роковое. Тягостные мгновения никак не кончались. По законам телепатии между их сердцами сам собой шел взаимный обмен нежными чувствами обожания.

Притихшие дети интуитивно чувствовали приближающуюся беду, готовые удариться в рев. Но и этого не случилось. Воспитанные мальчики, хорошо знавшие строгий нрав отца, читали на его лице запрет: плакать нельзя. Да они уже почти взрослые: Глебке – десять, Олешке – двенадцать. Только лишь уменьшительно-ласкательные имена, какими их называли родители, принижали их достоинства как взрослых, напоминая, что они еще дети. Отец уделял мало внимания их воспитанию, будучи постоянно занятым делами. И сыновья взрослея, как-то научились самостоятельно подлаживаться к родителю, брать в его характере и в манере поведения то, что им больше всего импонировало, а именно умение держать себя в руках. В этом, по их мнению, содержалась сама суть человека, его главная пружинка. Наличие такой спиральки из нервных клеток внутри живого существа означает для них только одно – обладатель ее и есть тот образец – это их отец.

Ольга Львовна, Оленька... Ее нежная душа, целиком сотканная из кружев любви к мужу, вся в его власти и готова идти за ним на край света. Разделить с любимым все его невзгоды, и даже смерть на эшафоте. Если в ней возникнет такая нужда. Не успев осознать себя первой дамой Российского государства, как вот уже подоспел этот уход в неизвестность. Уход от людей, от общества. От этого порога путь пролегает только в одну сторону – на чужбину. Туда, где вместо привычной жизни – скитания, где над тобой будет довлеть боязнь назваться своим именем. Где вместо жизни в аристократическом раю могут встретиться неудобства и лишения. Даже отчуждение и нелюбовь. В своем Отечестве тоже не сладко оставаться. Постоянно оглядываться. Жить ожиданием чего-то еще более худшего.

Александр Федорович трепетно относился к своим близким, как он любил говорить, самым родным человечкам. Вместе с Ольгой, Олей создавал в семье уют и покой. Хотя это было порой и не очень просто. Его государственная деятельность, широкий размах общений в своем кругу, необходимость всегда быть на виду, все это создавало невидимую преграду между ним и Олей. Невидимую вуаль, какой на самом деле не существовало, видела только она одна. Сердце любящей жены смущало ее ум: в том обществе, в котором вращается Александр, не могли не быть женщины. Знатные, красивые. Ищущие наслаждений. А это... Ольга Львовна знала и другое – Керенский в том кругу заметнее и представительнее многих, галантнее всех. Он молод, в самом расцвете сил. Там он как на смотринах. Его не могут не выбирать, не расплываться в симпатиях и комплиментах перед ним. Не мужчины ведь только на это способны? Ой, как это плохо для него, надо бы помочь ему, но каким образом. У слабой женщины и оружие слабое – чары всего лишь. Да любовь в придачу.

Ольга Львовна чувствовала свою беспомощность перед мужем. Для нее Александр был полнейшей загадкой, непредсказуемым человеком. Перемены настроения в нем происходили мгновенно. Казалось, он кипит внутри себя, думает одно, а делает другое. В бытность свою адвокатом он загорался новым делом, минутой же ранее отвергал это дело, как не интересное ему. Видеть перспективу вот что было главным для него. Но мысленно, измерив

даль, и все зигзаги в этой дали, сам творец ее уже не мог отступить от нее, не отвернуть, не изменить. Кремневая твердость характера стоять на своем присуща, казалось, только ему, Александру Керенскому. В этом качестве ему завидовали министры Правительства. Благодаря целеустремленности и цельности врожденной натуры, неуступчивости характера и были взяты в жизни те блага, которыми владел Министр-Председатель, и которых он должен лишиться с часу на час.

Как супруг и отец Александр Федорович, предвидя этот момент, позаботился о будущем семьи. Супруга с детьми пока останется в квартире в этом доходном доме на Тверской.

Расставание отсчитывало последние минуты. Олег и Глеб, потупив головки, приблизились к взрослым, еще не зная как это надо делать прощаться с отцом. Родитель легко подхватил на руки, будто совсем невесомых детей, приник к ним грудью, дыша их дыханием, и их тонкие трепетные ручонки обвили его шею. Как в этот миг не задохнуться от глубины нахлынувших чувств, от невыносимой боли в груди. Вот оно родное тепло, какое оно огненное, от него, кажется, закипает кровь. И нет уже мочи разжать руки. Отец и знает и не знает, когда он вновь обретет семейное счастье и будет ли когда-нибудь у него радостная встреча с его счастьем...

5

Петербург. Зимний Дворец. Кабинет Министра-Председателя Временного Правительства. 24 октября 17 года. 5 часов пополудни

В приемную кабинета Министра-Председателя, больше напоминавшую зал для вернисажей, входили министры. Ожидая приглашения, они группками дефилировали по коврам, устилавшим пол. Обмениваясь новостями, которые в этот уже поздний полуденный час сводились к одному: сколько и каких войск прибыло в Петербург, чем занимается начальство гарнизона и есть ли у него хоть какая-либо надежда предупредить беспорядки в столице. Вопросы были все больше к министру внутренних дел. Тот пожимал плечами, односложно отговаривался, что ему еще не было доклада об обстановке, что скоро-скоро все всё узнают, и что господам следует набраться терпения.

Дежурный офицер отворил двустворчатые двери, пригласил господ министров проследовать в кабинет. Чинно вступая в кабинет, они отдавали приветствие его хозяину поклоном головы. Министр-Председатель стоя принимал входивших членов Правительства, также приветствовал каждого вежливым поклонением. Ритуал проходил при полном молчании, никто не проронил ни слова. Обычно такой порядок или подобный ему с некоторыми вариациями соблюдался всякий раз при открытии заседаний. Затем объявлялся регламент, очередность обсуждения первостепенных вопросов. И начиналась собственно работа умов. Сейчас все пошло не так.

– Нам надлежит обменяться мнениями по обстановке, сложившейся на этот час. Мое резюме, полагаю, не потребует. – Премьер будто не разжимая губ, отчеканил фразу и резко взглянул на швейцарский хронометр, который он зажал в руке. – Без четверти 2 часа пополудни. Времени нам, как видите, господа, отпущено весьма скупое: один час. От силы – пару часов. – Такое вступление также было необычным. – И так, кто из господ министров берет слово? Вы, Николай Виссарионович, милости прошу господин министр.

– Я постараюсь быть краток. – Оговорился сразу министр финансов. – Анализ обстановки в столице и в ряде крупных городов на данный час, по моему разумению, вообще невозможен. Причины? Их две. Первая та, что обстановки как таковой просто нет, а есть хаос, анархия и прочее. Сие состояние общества, расклад наших сил и средств, на мой взгляд, лежат вне законов логики. А потому анализу не подлежат. Вторая – время, которое Вы обозначили. Это время не есть сей момент, а давно прошедшие, упущенные не час или два, а

многие дни. Мы топчемся на одном месте. То, нужное нам время, уже ушло вперед. События нас опережают. Мы бездарно теряем драгоценную инициативу по всем фронтам. Прошу извинить великодушно за неуместную откровенность.

Министр финансов Некрасов Николай Виссарионович высказал не все свои соображения по данному вопросу. Так, он видел, что нужно и можно бы сделать по его ведомству, чтобы выправить обстановку. Без денег много не навоюешь. Актуальным было финансирование военных поставок в армию, урегулирование товарно-денежного обращения в стране. Требовалось незамедлительно привести к норме завышенные оклады, пенсии, введенные бездумно. Избавиться от преступного расточительства средств. Нуждается в совершенствовании государственная денежная система. Об этих бедах было известно Директории – Союзу пяти. Принимались решительные меры. Однако не удавалось сдвинуть воз с места. Что ни говори, а война внесла и продолжает вносить свои поправки в жизнь государства. И все это еще бы терпимо, не будь большевистской заразы. Как с ней бороться, это со своим-то народом. У кого рука поднимется на братоубийство!..

Министр торговли и промышленности Прокопович и министр иностранных дел Терещенко, как сговорившись, дружно напали на бездеятельность Директории, которая, по их словам, не видит у себя под носом, что осязаемые силы в стране готовятся подняться против новой демократической Республики.

Михаил Иванович Терещенко, сам будучи одним из пяти членов Директории (Чрезвычайного госоргана), бичует сам себя. Надо же дойти до такого. Нет уверенности в деятельности Высшего органа, и от этого происходит нерешительность при принятии действенных мер. Неумение руководить по – новому. Так что же ожидать понапрасну перелома ситуации и стабилизации обстановки. Успехи сами по себе не приходят, их, как синюю птицу, за хвост не поймать.

Генерал Вердеревский также один из членов Директории, известный сторонник решительных и крайних мер, сел на своего конька: как и почему допущены многие ошибки в руководстве Россией? Почему Ульянов и иже с ним будоражат народ, а не сидят под караулом? Или просчет с походом армии Корнилова на Петербург и арестом самого генерала. Не допусти мы все эти оплошности в свое время, не было бы ныне лишних хлопот. Да только ли этого... хлопот. Очень мягко сказано. Боюсь предположить, как бы нам в ближайшие дни не поменять своих адресов пребывания. Вот такая на этот час у нас с вами обстановка.

Известно мнение Министра – Председателя Правительства на этот счет. Почему выпустили Ульянова из рук? Да потому, что не считали его фигурой серьезным противником, или хотя бы сколь мало значимой политической величиной. Произошла однажды и прямая встреча двух «близких» знакомых. Как товарищ председателя Петроградского совета Керенский был организатором съезда рабочих и солдатских депутатов. Там же оказался и Ульянов, выступал с речью. Главный мотив ее сводился к избитым фразам. Царь, дескать, это кровавый мучитель и эксплуататор, и его царская жена-немка разграбили Россию и сейчас гонят на убой миллионы простых людей. Они, большевики, говорят, нет войне, повернуть штыки на мироедов помещиков и фабрикантов, на министров-капиталистов. Все на гражданскую войну! Нет войне, даешь войну. Диковато было слушать его нелепицу. Некоторые в зале не понимали сути призывов, переглядывались, искали объяснений. Все на войну! Вот тебе фунт лиха. Хорошенькое дело. Он продает или уже продал Россию немцу? Хват видать тертый.

Когда Ульянов пробирался по тесному проходу к столу для выступления, Керенский встретился с ним глаза в глаза. Сколько лет прошло, не сосчитать, Александр Федорович увидел в них все тоже выражение – жгучую злость. Начав свою речь, он поминутно поворачивал крупную голову, как бы призывая всех сидящих в помещении к вниманию. Вот его подбритое лицо прошлось и над столом президиума. Сидевший за ним Керенский, вздрогнул от видения так близкого к нему лица оратора. И детские годы вдруг померещились ему с

отчетливостью: это лицо Володи Ульянова, этот рот его, широко открытый и ослабленный, когда он выкрикивал слова. Такие же точно, какие помнились ему.

Что-то давний знакомец его да подумал о нем, Керенском. Узнать бы об этом. Да нельзя. Но, наверное, это была злая зависть. Или ненависть. Но никак не презрение. По простым человеческим взаимным отношениям проходимец не способен питать презрение к кому-либо вышестоящему. Уходил Ульянов от стола опять же по тому тесному проходу. Сгорбившаяся фигурка протискивалась шаг за шагом вперед, и, прежде чем покинуть помещение съезда, фигурка оглянулась. Видно она не имела сил противиться этому своему желанию. И снова видение: его глаза и рот, как главные части лица, раскрывающие душу человека. Она, душа, отражается в них словно в зеркале.

На делегатов съезда, солдат и рабочих, его речь не произвела впечатления. Не тронула их глубоко, не бросила в ярости с винтовками наперевес друг на друга. Их немые озабоченные лица просили мира, работы и тишины. Лица, обезумевшие от вранья, от обмана, они будто кричали: не отбирайте у нас последнее – наши жизни. А тот, который покричал здесь и скоренько ушел, был провокатором. Были и есть на бойнях скота, кто этого не знает, козлы-провокаторы, которые живут жутким обманом собратьев – первыми идут под нож, но как-то остаются целехонькими. Что, эту мерзкую манеру они переняли у людей? Похоже...

Время истекало. Высказались все присутствующие министры кабинета. Все правильно понимают и оценивают текущий момент. В меру сил и даже сверх того трудились министры в своих ведомствах. Но сейчас они не обманывались в своем будущем. Предстоящая ночь и последующий за ней день станут решающими в жизни демократической Республики. Свободной России. Это будет ее конец или ее новый шаг вперед.

– Господа, уважаемые члены Всероссийского Временного Правительства. – Министр-Председатель поднялся с места, заговорил спокойно и уверенно, так как будто ничего экстраординарного не произошло и не происходит. – Мне осталось только поблагодарить Вас за труды на стезе Российского государства. Требую и в дальнейшем надлежащего исполнения обязанностей. Меня также зовут дела. Я незамедлительно убываю на фронт. Будем уповать на Всемилостивого Бога, на его помощь. Более я никого не задерживаю. Господа!

Александр Федорович как бы сбросил с плеч тяжкие вериги. Словно сама архимедова сила тяготения разом испарилась, и миром овладел вакуум. Так стало невесомо легко. Выслушав мнения министров и высказав свое видение сложившейся обстановки на данную минуту времени, он дал им тем самым понять всю шаткость власти, а быть может, и ее неминуемый конец. Пусть все знают, он законно избранный Правитель России до последней минуты не оставлял вверенный ему высокий пост, как гарант Российской государственности. В самый критический момент находился в войсках, организуя отпор преступным силам, готовившим вооруженный переворот в стране.

Но прежде чем покинуть кабинет необходимо еще позаботиться о защите Зимнего Дворца. Собрать и надежно сохранить свой личный архив и важные правительственные документы. Этими ценностями, настоящим кладом – секретами государства, захотят в первую голову воспользоваться организаторы переворота.

Были вызваны к Министру-Председателю ответственные за охрану Дворца. Керенский лично знал прославившуюся на фронте старшего унтер-офицера Марию Бочкареву, командира женского батальона, командиров от юнкеров Сомова и Орловского.

– Я думаю, напрасно трачу ваше и свое время на то, чтобы напомнить вам об обязанностях. Не сомневаюсь в вашем рвении к службе, в вашей верности долгу. Не скрою, сейчас это очень важно как никогда. Над Россией сгущаются тучи, а тучи приносят грозы. Об одном только хочу попросить. Если развернется такая угроза, больше жизни берегите Дворец. Не доведите дело до пальбы и взрывов. Потребуется – уйдите с миром, не вызывая на себя огня.

Уведите защитников. Такой вот мой приказ вам и моя твердая уверенность в том, что останетесь верными присяге.

Дежурный офицер изумился такому наставлению охране, но по здравому рассуждению с теплотой подумал о Правителе. Да, не многие бы также могли поступить, окажись они на его месте. Да, немногие...

– Вы думаете, что я не прав? – Александр Федорович заметил, какое противоречивое впечатление произвел его приказ на этого службиста-офицера. – С вашей личной позиции военного человека, возможно – да, я неправ! Но есть и другая точка зрения, не будем называть ее, согласно которой – нет, вы не правы! Вот и вся философия вопроса: от – да, до – нет. Забавно, вы не находите?

– Не нахожу. Нисколько.

– Вот как! Это похвально. Поясните свою мысль?

– Во-первых, приказы не обсуждаются! Что же касаясь Вашего приказа я нахожу его безупречным со всех точек зрения.

– Bravo! Благодарю. Желая вам хорошей дальнейшей службы! – Министр-Председатель подал руку дежурному. – Вы здесь недавно, не так ли? У меня хорошая память на лица. Я встречал вас, дайте вспомнить, в Барановичах, в Ставке Верховного. Да, именно так. Вторая наша встреча – это уже знакомство. Ваше имя, молодой человек?

– Подпоручик Иван Голицын! Честь имею!

– Поручик Голицын! Да, с сего момента вы произведены в этот чин!

– Рад служить Отечеству!

– Прекрасное русское имя. Я же вам не представляюсь. Ваня, будьте любезны, подскажите, как мне сейчас прямее отсюда пройти в Главный Зал Дворца? Все было недосуг вкушать чудесного воздуха веков. Теперь вот появилось время и то немного. Что ж, проведите в Тронный Зал меня, так и не успевшего за государственными делами взойти на престол. Да и статус не тот. – Александр Федорович с иронией горько усмехнулся. – Шутка! Так что ведите, показывайте, поручик Иван Голицын, путь – дорогу...

– Охотно исполню эту Вашу просьбу, Александр Федорович! – Сердце молодого офицера, как бы само собой вспыхнуло радостью к большому человеку, которого он заочно знал и боготворил, и которого видел теперь рядом с собой и даже разговаривает с ним. – Только я про себя думаю, в высказанной Вами шутке содержится большая доля правды. Скажите, ведь это так, господин Председатель Правительства? И те Ваши слова не являются пустыми, в них больше здравого смысла. В них истинная правда!

– В каком же смысле это нужно понимать, мой просвещенный друг?

– В прямом. Я говорю о мнении, пожалуй, половины армии, а уж о младших офицерах – это точно – мы не хотим другого Правителя над Россией!

– Ваша откровенность способна укрепить дух, вселить надежды. Вот Вам моя рука...

Фэнтези

Однажды на краю вселенной

I

Центр Искусственного Разума при Национальной академии Всемирных наук и его Главная научно-экспериментальная Лаборатория готовили экспедицию к заброске в малоизученный угол Темной Вселенной, в самые дебри, к внешней границе ледяного Пояса Койпера. Выявлена в том ледяном безмолвии захватывающе интересная Планета. Научная гипотеза, созданная на основании заключений Единого Высшего Интеллектуала (ЕВИ) свидетельствует, что в ее недрах скрыты невероятные запасы вещества, которое в будущем окажется крайне необходимым человечеству и в неизмеримых количествах. Требовалось подтвердить предположение.

Подготовка как всегда и во всем дело хлопотное. Но все шло хорошо, во всяком случае, так казалось. Окончательные сроки уже готовы были к согласованию. Да, вот катастрофа в темной Вселенной случилась. Конечно, это с точки зрения простого обывателя, каких ныне уже не отыскать.

На взгляд ЕВИ совсем наоборот, это не катастрофа, а долгожданное благоприятное и очень интересное, с научной точки зрения, происшествие. Вдруг неожиданно-негаданно телеметрия приносит оттуда, из темноты, подарочек: «Экстренное сообщение»! Вообще-то она, эта Вселенная наша, очень щедрая на всякие такие штучки. И вот одна из них тут как тут. Нужна перестановка мест слагаемых. Опять же это сказано по простоте мышления. То есть требуется переориентация экспедиции. Вот как оно порой бывает в науке: слов много, а дела, настоящего дела, мало. Или, скажем, совсем его нету.

Надо бы внести здесь немного ясности. В дебрях Вселенной идет своя жизнь в виде образований и преобразований. Иначе, в виде борьбы как движения, или еще точнее, там идет непрерывная работа, если таковой называть самоиндукцию темной энергии. Ну не «само», разумеется, а по законам, каким пока не известно. Ну (опять же «ну») с чего бы это вдруг такая галактика как Млечный Путь столкнулась с такой галактикой как Туманность Андромеды. Мало места, тесно, что ли им оказалось, или на самом деле не сумели разминуться. Да там, к слову сказать, просторы не меряны. Правда и галактик этих ищи, всех не переищешь. Космические телескопы зоркость потеряют, ослепнут от усталости, пока занесут их всех в Единый Галактический Реестр (ЕГР). Так вот и получилось: наполнили гигантские миры друг на друга. Так (опять «так») пусть бы и осталось все как есть. Ан, нет! Они, галактики эти, как бы это яснее и проще назвать произошедшее явление, они, две галактики схлопнулись. (Термин научный. Примеч. наше.). Ну, ни дать, ни взять, то есть одна вошла в другую. Словно две медузы в любви соединились.

И что же дальше? Гора образовалась? Вот еще чего, гора! Яма образовалась. По-научному Черная Дыра! В нее валится все, что не попади. Планеты, кометы, астероиды. Имеется и другой аспект гипотезы, как запасной, на всякий случай. Если возникнет ситуация соответствующая. Не то еще узнает наука. Как раз к этому и готовится отряд IR, к забросу в окрестности Черной Дыры. Пояс Койпера пока отставлен на потом, не к спеху. Спешить в космических делах, как впрочем и других, не то чтобы не допустимо, но даже вредно. Пока же обсуждаются детали возникшей новой проблемы.

Этот любопытный научный диалог, который затрагивал тему произвольно изложенную выше, вели на досуге IR1 с IR40. В своем окружении они значатся не под индексами, а под лабораторными именами, какие им присвоили при сборке. Так проще и интереснее. Звучит вполне по человечески: First беседует с Fortieth. Понятно, First это вполне сформировавшийся Искусственный Разум. В него засыпано, как говорит Столпп, столько программ, что во всей округе с радиусом в половину миллиарда километров для него нет неразрешимых задач.

Столпп – это его, First, творец и он-то знает этого типа. Скрывает от самого себя и от всего сообщества IR, что он слегка побаивается своего детища, который успешно самосовершенствуется. «Само» – это не какой-то объективный закон, а мозговая работа самого Столппа, говоря по-простому, который запустил новейшую программу в экспериментальный образец. Скоро этот образец заткнет за пояс самого Творца. И тогда гляди в оба! Условно говоря, типчик тот понятия не имеет о болях, переживаниях, об уважении к вышним индексам (VI), почитании и любви ближних индексов (VI) и, еще о многом...

Постой-ка, постой! Про любовь он, кажется, начинает понимать, если этот пройдоха уже не понял с чем ее едят! С чего бы это он больше всех увивается возле Fortieth? Неразумного, только что собранного индивидуума. Всего-то знаний в нем, как говорит Столпп, кот наплакал, – заложена самая малость, где-то менее – более третьей части от мирового уровня... Остальное добывает с помощью этого хитреца IR1. Только ли под видом наставника он выступает? Как бы это проверить. Нет ли здесь сбоя в той самой программе, которая отвечает за «личные» отношения между IR. Только этой любви среди роботов-интеллектуалов Столппу и не хватало еще. Ему и без этой, как ее, «любви», забот полон рот.

(Продолжение следует)

Часть вторая

** Петербург. Штаб Петроградского военного округа * 24 октября 17 года * Утро
Вселенная преподносит сюрпризы
Переориентация сил и средств
Наука не терпит застоя*

1

Город в хмурой и мокрой утренней дымке просыпался неохотно, тяжело. Начальник штаба, переборов в себе недоумение, вызванное непогодой, делает доклад Командующему Петроградским военным округом полковнику Полковникову о событиях прошедшей ночи:

– Противник никак себя не проявил боевыми действиями. Но вот такая странность с его стороны вызывает недоумение. По городу разбросаны листки с заявлением Смольного. Большевистское ЦК заверяет население города и губернии, что оно не проводит и не будет проводить никаких боевых выступлений. Людям бояться нечего, им ничто не угрожает. В высшей степени странное заявление, как мне кажется. Что касается наших частей, разбросанных под Петербургом не очень удачно, сообщений от них не поступало. В гарнизонах Гатчины и Царского Села спокойно.

– Где располагается Главковерх?

– Главковерх в Петербурге, по сообщениям Ставки.

– Ваши соображения по поводу заявлений Смольного? Насколько они обоснованы.

– Полагаю, это дезинформация. Затишье – их хитрая уловка перед началом активных действий. Отвлечь внимание, заставить врасплох.

– Не похоже на то. Нет! Что еще? Петр Николаевич Краснов на связи?

– 3-й Конный казачий корпус дислоцируется в районе Гатчины. Генерал при войске.

– Что еще есть срочного?

– К вам прибыли представители от казаков и железнодорожников.

Георгий Петрович Полковников как-то сразу оживился:

– Что ж, это не плохо, даже совсем не плохо! – Заговорил командующий, ни к кому конкретно не обращаясь. Казалось, он был удовлетворен вполне сделанным ему докладом, и улыбаясь каким то своим мыслям, широко повел рукой: приглашайте прибывших дорогих гостей ко мне. Я сейчас же приму делегатов. А вы займитесь пока оперативными делами. Я приглашу ...

Начальник штаба Петроградского военного округа для себя давно заметил: полковник, этот молодой честолюбец чурается его, а полагается наоборот, доверять начштаба сверх меры. В его руках все управление войсками округа. Без штаба командующий бессилён. К тому же он, мальчишка еще в сравнении с ним, опытным штабистом. Всего лишь жиденский карьерист. На верх-то взлетел на крутой волне, не по заслугам. Вот и только что выказал себя: один он дело сделает.

Известны его выкрутасы с большевиками да с паровозниками. Готовит пакостное дело – измену. Разве не так! Видно же, да он и не скрывает своих намерений, как искажает приказы Главы правительства. Ведет сговор с командующим армиями Северного фронта. Генерал Черемисов по уму и опыту давно мнит себя Главковерхом. С Полковниковым он – это два сапога пара! Однако, играя «труса», эта пара подцепляет к себе малодушных, да завистливых, таких, которые ищут выгоды, или сводят счеты.

Генерал Краснов готов повести с ними игру на три хода. Обвести вокруг пальца и большевиков, и Временное правительство, и своих генералов. Сыграть в поддавки и увести на

Дон свой третий Конный казачий корпус в целости и невредимости. В три тысячи сабель по численности. Чем шире и глубже заговор, тем, вполне понятно, проще дело сладить. А что взамен большевикам он за это посулит? А то, чего они более всего хотят: выдать им Керенского с головой!

Одно дело знать о заговоре, другое предотвратить его. Государственный переворот обозначился в деталях, бери и наноси на оперативную карту диспозицию действий предателей. Боевики Смольного с часу на час появятся на ключевых объектах города. Будут переданы по прямому проводу в войска приказы стоять на месте, заблокировать все пути к Петербургу. От Черемисова, от Полковникова, от Краснова. Временное правительство Керенского предают расчетливые люди. Нынче их поздно уже брать и вязать. И сил нужных нет в наличии.

Во все времена заговорщики носили и носят на челе своем невидимую тамгу – мерзкую отметину, такую, наверное, как изображение скрюченных рук со звериными когтями. По ним, по этим родовым пятнам, они угадывают себе подобных. Общаются, замышляют как больнее с большей кровью ударить жертву. Исподтишка. В спину. Избегая встречи взглядами. Какого же они рода-племени, эти предатели и изменники? Где, когда напились эти перевертыши ядом злобы, чтобы увлечь за собой тысячи верных России солдат в измену ей. Момент теперь создан самый невероятный и по обстановке, и по раскладу сил. Момент самый подходящий для совершения предательских замыслов.

2

Санкт-Петербург – Псков. Ночь на 25 октября 17 года

Известная всему Петербургу открытая машина Главы Правительства беспрепятственно прошла по городским улицам с расставленными по ним караулами красногвардейцев. Караульные на отдельных постах впопыхах на вытяжку отдавали честь Главе Правительства. Миновав через несколько часов гонки городки Гатчину и Лугу, и, оставив в стороне от себя водную гладь Чудова и Псковского озер, машина на большой скорости въехала по главной дороге в город Псков. Офицер-шофер обернулся лицом к располагавшемуся на заднем сиденье Керенскому, намереваясь высказать свои переживания за долгую дорогу. «Вот, мол, какие мы! Столько проехали, ничего с нами не случилось. А опасности – то какие рисовались! Да и дипломатическая машина с флажком в красную полосу по белому полю оказалась не обязательной». Слова так и остались не сказанными. Александр Федорович понял его мысль. Остановил взглядом.

– Не надо опережать события. Сейчас ночь, а ночью дела не делаются. День еще не скоро начнется. Главное все впереди. Пока же нам надо отдохнуть. Едем на квартиру к генералу Барановскому. Утром в штаб фронта.

Настроенный решительно, Главковерх ни мало не медля, вышел из машины, как только она затормозила у подъезда штаба Северного фронта. Широким легким шагом проследовал по коридорам в кабинет командующего. Генерал Черемисов из своего кресла, устремив взор в потолок, так высоко над ним стоял Керенский, не спешил подняться и сделать положенный доклад. То ли от неожиданности, от грозного вида Правителя или от чего другого, только он был не в себе.

– Владимир Андреевич, – Мягко, с участием к растерявшемуся человеку заговорил Керенский. – Сообщите мне о положении дел у Вас.

– Ничего особенного. Фронт стоит. Вяло текущие боевые действия с обеих сторон. – Справившись с неловкостью, ответил неопределенно Черемисов.

– Эшелоны с вызванными частями полагаю уже в Петербурге? Сколько, какие части прибыли? Я хочу немедленно знать об этом!

Генерал был уже на ногах. Щуплый, с бегающими глазками, он без надобности перебирал на столе бумаги, карты. Так прячут не слушающиеся в тряске руки. Не надо быть психологом, чтобы не увидеть по конвульсиям этого человека, что он пойман с поличным. Действительно, он только что связывался с Петербургом и со штабом Западного фронта. Разговор с Полковниковым и прервал шум остановившейся машины. Известия из столицы ему сообщили такие, которых он ожидал. Большевики берут без боя власть. Еще ночью арестовано Правительство. Зимний Дворец занимают красногвардейцы без сопротивления. Юнкера и женский батальон отведены в места расположения. Матросы, комиссары, дорвавшись до женщин, повели было повальное насилие над ними. Правитель, коль он на свободе, то означает, что он еще при власти. И он не отступился от борьбы. Так или не так думал генерал под взглядом Керенского, для дела было не важно.

– Отправке войск препятствуют на местах. Задержка из-за транспорта... паровозы, вагоны, путейцы еще... – Сам себе не верил, оправдывался командующий. За последние сутки он несколько раз приказывал начать погрузку войск в эшелоны, и тут же отменял ее. Колебался из-за своего малодушия. Расплата неотвратимая жгла ему мозг. Умный человек, генерал понимал всю нелепость и шаткость своего положения, в какое он сам себя поставил. Двойная игра – это не для него, точно также как и не для Полковникова и Краснова. Он, Черемисов, знал это, обращая их в свою веру. Они пойдут за ним, пока он будет в силе. Зыбкая у них психика. Потянет ветерком с другой неожиданной стороны, колебание пойдет. Какая же сила держит их, его приспешников, да и его самого вдохновителя заговора, теперь на кривом пути?

– Поступим следующим образом. Сей же час Вы при мне отдадите категорический приказ незамедлительно выслать части в Петроград и ни на шаг не отходите от аппарата. Подстегивайте отправку поминутно. Лично отдайте приказ! Действуйте, господин генерал. Я вижу Вам нелегко сейчас. Не знаю и знать не желаю, какие заботы Вас угнетают. Но обстановка такова, что мы не вправе предаваться в данный момент личным эмоциям. Мой совет Вам, Вашему превосходительству, отбросьте в сторону свои амбиции, эмоции, наконец. Никто Вас в них ни мало не ущемляет Вы Командующий фронтом, в Ваших руках огромные силы. В них очень нуждаются в Петербурге. Еще вчера, уже сегодня, особенно завтра. Завтра!

Вынужденный увещевать Командующего, требовать от него немедленных действий, Главковерх и Глава правительства в одном лице Керенский не мог знать о свершившемся государственном перевороте. Может быть он единственный уже сегодня, 25 октября, объявленный большевиками вне закона и подлежащий аресту, он единственный собирал на фронтах силы для предотвращения вооруженного переворота. Для отпора анархизирующим отрядам большевиков, ставившим целью узурпировать законную власть. Чтобы не дать злоумышленникам свернуть Россию с выбранного демократического пути развития, не допустить поражения в войне. Ибо поражение это есть тяжкий гнет на плечи народа. Оно несет за собой разграбление, бесправие и унижение. Знал цену всем бедам свалившимся на русскую землю не только Глава страны, но все честные люди. Знали и ожидали: государство защитит и обережет их от напастей...

Александр Федорович в своей практике на посту военного и морского министра довольно часто сталкивался с подобными рода ситуациями. Приказы и директивы начальников, подчас и высших, часто исполнялись из рук вон плохо. Министр досконально знал, кто был в них грешен. Склонен к вольности казачий атаман Петр Краснов, себе на уме Антон Деникин, командующий Западным фронтом Павел Балувев также не прочь повременить с наступлением, когда ему вздумается, отвести войска на «перегруппировку», когда требуется решительно идти вперед. Неисполнение приказа точно и в срок в военное время это равносильно измене. А это высшая мера ...

На кого же можно положиться?.. Острота минуты двоила сознание, требовала найти верное решение. Нет, это не было судорожное метание из стороны в сторону. Александр Федорович до конца не был уверен, что этот, стоящий перед ним человек, сделает то самое, что необходимо для России, что нужно ей именно в указанные сроки. Главная мерка сейчас человеку – его надежность. Но пойдешь узнать, что в голове у Черемисова?

Начальник штаба Ставки Главковерха генерал Духонин Николай Николаевич нервами чувствовал обстановку в столице. Разнузданная, насквозь лживая пропаганда, якобы радетелей о нуждах народа, брала верх над ясной и конкретной политикой Правительства, проводимой в интересах миллионов честных людей. Грань, отделявшая страну от анархии настолько близка, что только решительное вмешательство армии способно спасти положение. Генерал Духонин не раз пытался выйти на связь с Главковерхом, многие крайне важные вопросы требовалось доложить Главе государства, но безрезультатно. Связаться с ним не удавалось. Премьер, без преувеличения, был нужен всем сразу, его хотели видеть везде. Он разрывался на части и все – таки куда-то не успевал. Разговор со Ставкой в Могилеве состояться просто не мог. Черемисов воспрепятствовал этому.

Перед самым отъездом из Пскова, к Керенскому неожиданно вошли генерал Краснов и начальник штаба корпуса Попов.

– Вы что, Петр Николаевич, уже побывали в Острове. Так быстро обернулись! Коней, что ли поменяли на аэроплан? – удивленно спросил Керенский.

Надо было видеть конфуз Черемисова, который только что говорил о его отсутствии в штабе фронта. Как в поговорке: «Куда не кинь, везде клин.» Вранье и обман. Ну что за люди эти у власти. Знать бы Главковерху, что еще выкинет этот лицемер в генеральских погонах. С таким не то, что воевать, идти ему конюшни чистить. И то подумать: можно ли доверить это дело.

– Я только сейчас туда отправляюсь. Узнал, что Вы в Пскове и потом будете к нам. И вот я здесь перед Вами. Какие будут указания, Александр Федорович? – Атаман Краснов на удивление был весь в подобострастии и услужении. Чего ранее наблюдалось крайне редко.

– Полагаю, ваши отчаянные конники наострикли клинки и рвутся в бой!

– Именно так, ожидаем приказа к действиям.

Снова курьёз! Он не имеет приказа...

– Командующий фронтом разве не уполномочен отдавать приказы? – Главковерх вопросительно посмотрел на генерала. – Ваша прямая обязанность, имеется ввиду и штаба, руководить подчиненными вам войсками. Или я ошибаюсь, Ваше превосходительство?

Командующий фронтом уходит от ответа...

26 октября. День клониться к вечеру. Главковерху сейчас надлежало бы со штабом Ставки колдовать над оперативной картой Петроградского района, строить план ликвидации заговорщиков. Не так они сильны, хотя и велики числом. У Правителя регулярные строевые чисты, хорошо обученные. Против них не устоять красной гвардии – одно название громкое. Правитель знал, что ему надо делать... Да, вот эту черновую работу кому поручить?

Машины на большой скорости шли на север. Хорошая дорога располагала к размышлениям. Думалось об одном: как там, в Петербурге, держится пока столица или уже пала. Если еще ночью и утром красная гвардия не овладела административными центрами, мостами и прочими объектами, что маловероятно, то столица падет в ближайшие часы. Значит... Нет! Это ничего не знач... Революция не погибла. Революция борется, защищает завоеванные свободы. И победит! Войска, вызываемые с фронта должны разоружить большевистскую гвардию. Название-то какое звучное подобрали – гвардия. Порочат символ воинской гордости и славы. Это никак плод самого Троцкого, запевалы во всех их пакостях. Скор он на такие штучки.

Английский мощный мотор бесшумно мчит авто в ночи. Офицер-шофер себе под нос тянет модную песенку из ресторанного репертуара. Два личных адъютанта Премьера при-молкли на средних сиденьях. Совсем юнцы, они верны шефу до гроба. Третий адъютант рядом с шофером, слушает его пение. По-домашнему уютно в машине. Так бы и мчался без остановки вперед, к звездам. Яркие в северном полушарии, они как майские светлячки в траве, высыпали на небе гроздьями. Молчание. Не до разговоров. У каждого свое.

– Интересно, а есть там такие планеты, на которых существа, обитающие на них, устраивают перевороты, войны развязывают между собой. Быть может, к ним высаживаются десанты с других планет для захвата территорий. Или там давно перевелись охотники до беспорядков. Или голодом морят «людишек»: вон их сколько миров плавают в пространстве. И население на них проживает. Как Вы считаете, Александр Федорович?

– Что, что плавает... кто проживают... – Керенский, словно, очнулся от глубоких дум, не сразу уловил суть вопроса. Мысли не оставляют его наедине с самим собою. Без мыслей он вроде бы и жить не умеет. – О чем вы спросили меня? Извините – не понял. – Это на заднем сиденье плечом к его плечу – Кузьмин, помощник Командующего Петербургским военным округом, участвующий в этой поездке. Он прервал мысленное государственное совещание Главы его с самим собой.

– Я немного помечтал, хотел услышать ваше компетентное мнение. Прошу велико-душно...

– Ну вот еще... Великодушно... Теперь догадываюсь, что за фантазия у вас такая. Гре-шен, ведь и я минуту назад побывал там, – он пальцем показал вверх. – Признаюсь, в гим-назические годы я был завзятым астрономом. Любителем, разумеется. Бегло читал небес-ную книгу. Звезды, галактики, созвездия. Кое-что знал о них. Мог на уровне рассуждать о Планетах Солнечной системы. Я считаю ее, нашу Галактику, не смеетесь, большой родиной для нас землян. Вот скажите, сможем мы проникнуть за пределы нашего большого дома, так сказать выйти на прогулку в дальние окрестности? Конечно не знаете. И я тоже не знаю. Я романтик до мозга костей. Увлечения мои, их много, перечесть все трудно, раз родившись, они остаются со мной навсегда. А вот еще откровенность: зазорно для человека, серьезного по складу характера, фантазировать, скажем, путешествовать по галактикам, строить вооб-ражаемые аппараты, уносящие роботов-исследователей в дальние пределы Вселенной.

– Вы, Александр Федорович, меня окончательно заворожили. – Кузьмин повернулся лицом к Правителю. – Я твердо знаю, фантазировать может не всякий из смертных, а только избранные. Как правило, это люди творческие с огромным кругозором, с беспокойной мятущейся душой. Жизнь их наверняка предстает в красках Рафаэля. О них сразу всего не ска-жешь. Вы вполне можете служить ярким примером таких счастливых. Боюсь, что угадал в вас путешественника к иным мирам. Сознавайтесь!

– Вы правы. Что-то такое бывало в студенческие лета. Все больше мечты сводились в практическую плоскость. Меня восхищает порядок, какой там заведен, – он снова жестом показал, где именно тот порядок находится. – Какие гиганты, а с какой легкостью необыкно-венной вращаются по своим орбитам. Не отклоняясь и не замедляя движения! Величайшее постоянство! Вот Улугбек, внук Тимура Хромого, математически рассчитал движения Пла-нет. Не удивляйтесь, древнего ученого вспомнил не случайно. Я был в Самарканде, дышал воздухом Улугбека. Поражен его изобретательностью. До него и другие мудрецы вычисле-ниями занимались. Прошли сотни лет, и сейчас читай таблицу, смотри на небо в ту точку и на тебе – Меркурий, Марс, Венера, Юпитер, Сириус, что захочешь, то и увидишь.

– А мы на Земле все воюем и воюем. Утихла бы давно война и Германия уж лежала у наших ног поверженной. Будто нет в России других дел. – Кузьмин никак не может рас-статься с больной темой.

– Наверно, вы правы, без войны нам никак нельзя. Дай Бог закончить эту нашу как надо. Нельзя от нее отступить. Она сидит в голове крепко, не вытравить ее. Если бы не павшая на нас небесная кара, этого царя Давида воинство, и не ярые большевики с Ульяновым, и это также порождение соломоново, лежали бы у ног России все ее недруги. Хотя, дело не только и не столько в этом. Внутри государства, уже не тлеет, а огнем горит заговор. Вы сами только что изволили видеть одного из предателей. Да и в штабе Петроградского округа этот самый Полковников хорош гусь.

Вы, капитан, несомненно знаете всю подноготную о нем. И наверное думаете, почему этот Правитель, обладая всей властью в стране, знает все о готовящемся заговоре, почему он не принимает решительных мер, чтобы поставить всех и все на свои места. Он что слаб умом, жидок на расправу? Так про себя думаете обо мне, капитан? Не обижайтесь на мою резкость. Вы прекрасный боевой офицер, я знаю это и потому уважаю вас. Прошу не придавать моей вспышке никакого значения. Мне просто потребовалось высказаться. Нельзя же держать в себе бурю. Но если вы действительно так могли подумать, то я готов ответить напрямую. Этого как раз и нельзя предпринимать. Ни в коем случае! Этому есть веские оправдания, и они далеко не сегодняшнего дня.

К Ульянову у Керенского нет никаких вопросов. Да он ни на кого не держит зла. Он выше этого. В вожде большевиков он не видел соперника, не видел у него никаких достоинств, никак не ценил его способностей. Еще тогда в городе на Волге в свои семь или восемь лет, Саша избегал встреч со старшим по годам подростком из семьи начальника отца. Тот казался сложенным не как все мальчишки, что-то было в нем не так. К тому же это его мало-приятное для слуха косноязычие. Обычной тяги младшего по возрасту к старшему у него, Александра, не было. Даже намек на симпатию. И снова в машине молчание. Только монотонный шорох широких упругих шин авто. Да офицер-шафер за рулем поет в полголоса свои песни. Вдали вспыхнул огонек. Один, второй, третий. Словно мираж всплыл. Так и видится, что навстречу машине из темноты катится городок Остров.

3

Остров – Гатчина – Царское Село. До Петер-бурга рукой подать. Генерал Краснов излишне осторожен. 27 октября 17 года

Разгульная казачья вольница наслаждалась предоставленным ей отдыхом. Чубастые красавцы с интересом поглядывали на вышедших из машин людей. Своего атамана здесь знал каждый. И высокого в военного покроя френче без погон тоже признали. Самый главный! Если он здесь, то будет работа им. Тертые рубаки хорошо разбирались в военных порядках. Когда им воевать, когда раны зализывать, когда по станицам да куреням расходиться. Последнее, обещанное им, вот уже совсем близко. Атаман Краснов – казак надежный, не обманет. За каждую боевую шашку торговаться станет. На пулеметы не бросит не только сотню, но и десять сабель с болью пожалеет.

Правильно он формулирует казацкий закон, принятый еще Запорожской Сечей. Для казака махать шашкой – это работа, на жизнь зарабатывать, семью кормить. Но чтобы и живым оставаться. А это уже как Бог пошлет. Главное же сам не плошай. Этаким вот он воин-казак. Так мыслил и генерал Краснов Петр Николаевич. Потому, видимо, и разговор генерала с Керенским получился не совсем согласным. Один требовал не медля казаков в бой бросить, второй – подождать, осмотреться, чтобы наверняка ударить. Тем и людей побережь. А значит и Россию отстоять. Одному время – минута дорога, другому время – в бою подмога.

Вышло все так, как у казаков писано. Город Гатчина еще спал, последний сон видел, а конница атамана Краснова, развернувшись в аллюр и с гиком «Сабли наголо! Даешь!», обрушилась на гвардейцев-большевиков. Клинки, выхваченные из ножен и загоревшие

синим огнем над головами коней, опьяненных близкой кровью, переполнили ужасом боевую сабельную атаку. Увидев смерть в натуре, не то что живой, мертвый встанет и побежит.

Казаки взяли город без рубки, одним страхом. Защитники его, побросав все что у них было, бежали толпами, искали спасения живота.

– Обещал я Вам взять Гатчину! Вот он, город у Ваших ног! – С неподдельной гордостью триумфатор делал доклад Керенскому. – Нынче этот город, а завтра Царское Село будет нашим! Что потом – посмотреть будем... – Закончил хвастливо, с каким-то хитроватым умыслом Командующий конным корпусом свой короткий доклад Главковерху.

– Петр Николаевич, хвалю Вас и ваших доблестных казаков за смелую атаку и овладением городом. Вы дело сделали во имя России. Победа, безусловно, коснулась и меня лично. В этом вы правы. Но сейчас важно не упустить выигрышный момент, боевой горячий пыл казаков, на плечах отступающих войти в укрепленный гарнизон Царское Село. Какая честь полководцу будет!

– Александр Федорович, в каком же уставе записано, что воевать города надо непрерывно – один за другим. – То играючи темляком дорогой запорожской сабли, то поглаживая ее золоченый эфес. – Изумился генерал.

– Но где сказано, чтобы Глава государства, извините за нетактичность, понукал бы своих генералов идти в наступление. – В тон Краснову твердо заметил Главковерх. – Нет таких государств! И генералов тоже... Вот вам случай записать в устав новую строку. Сколько вам отвести на сборы пять, десять минут? – Главковерх был категоричен...

– Мои казаки не пойдут с этого места до завтрашнего утра. Это мой приказ!

– А мое слово, брошено на ветер? Так что ли, комкор? Вас спрашиваю. – Мнется генерал, ответить не знает что. Поставили его к стенке... Будь он, Керенский, провидцем, умел бы досконально разбираться в душах людей его окружающих, он бы угадал мысли строптивного казацкого атамана. Главковерх знал о нем то, что он двуличный, и что в обстановке, выгодной для себя, Краснов, не задумываясь, пойдет на предательство. Но он не мог знать, что это произойдет уже через четыре дня.

– Тогда я сделаю это сам, коль начальники приучены только слизывать пенки с блюд. – С вызовом бросил реплику Керенский атаману. – А вы поглядите, как надо воевать. Я ничуть не приравниваю себя к полководцам, однако знаю их манеру: «Смелость города берет!»

Открытая машина Керенского, оставив Гатчину, мчалась в направлении Царского Села. Отчаяние, безрассудный шаг, что угодно, но только в этом сейчас он видел спасение Революции от разбоя толпы анархистов. Законы войны просты по своей сути. Враг дрогнул и побежал в Гатчине, дрогнет и побежит в Царском Селе. И еще усилие, напор, удар и враг покорится, бросит оружие. Нужны лишь решительность и смелость. На это рассчитывал Правитель России. Мало ли чего хотят комиссары в своих наспех придуманных органах власти – ЦК и СНК. Он, Керенский, не сложил с себя полномочий. Он есть Правитель России! Один! И никто кроме него! И вопреки логике, должен, просто обязан, сражаться за идею. Даже один! Один против всех. Сражаться с теми, кто против России.

Машина ворвалась в город. Полдень. Улицы полны праздного военного люда. С оружием. Александр Федорович, стоя во весь рост и возвышаясь над толпами, приказал остановить машину. Толпа сгрудилась, замерла от неожиданности происходящего. Высокий человек спокойно, с чуть заметной смешинкой на лице, из-под лобья с минуту обозревал людскую массу. Думал, чего они хотят в этот миг. Конечно же, не стрельбы, не войны, не смерти. Ждут от него чего-то хорошего или просто, чтобы их не трогали, не заставляли что-то делать, отпустили с миром.

Человек не торопился, выжидал, собирался с мыслями. Психологически это было оправдано. Напряжение достигло предела. Вот он достал часы, держа их за ремешок на ладони на виду у всех, щелкнув, открыл крышку циферблата.

– Я, Керенский! Даю вам пять минут на то, чтобы вы все как один сложили оружие и покинули город. Все до одного! – Голос глубокий и наполненный силой, облетел притихшую толпу, так что последний солдат его услышал и понял смысл каждого слова. – Это мой приказ вам! Время пошло...

Произошло все само собой. Правитель не красовался, стоя в автомобиле и, отдавая необычный приказ войску противника, знал, что он будет исполнен. Царское Село свободно. Где же казаки со своим атаманом? Они подоспели в самый раз, когда разношерстная красная гвардия, свалив в кучу оружие, уже оставила гарнизон.

Перед авто Керенского тут же появился сам атаман. Перед авто, перебирая тонкими ногами, затанцевал прекрасный белый иноходец генерала Краснова. Что твой Буцефал – любимый конь Александра Македонского. Седок и конь словно гордились собой, выставляли напоказ свою независимость. Вот мы какие – сами по себе, нас не возьмешь. Являли лихость казацкую самому Керенскому. «Наших не трожь!»

А ведь это было только что проявлено неповиновение. Открытое и наглое неповиновение! В условиях военного времени! Преступив закон Военного времени! Стечение подобных обстоятельств явление редкое. Квалифицируется как предательство, как измена Родине. Разрешается оно простым расстрелом. По решению полевого суда. Приговор выносится на месте или... задним числом. До поры такой практики не существовало. Введена недавно Военным и Морским министром Керенским. Обстоятельства того требовали.

– Вот и Вы, Петр Николаевич, очень кстати, что Вы здесь. Только что намеревался послать за Вами. – Как ни в чем не бывало, говорил Александр Федорович как бы с неподдельной радостью и радушием. Этим своим приемом он обезоруживал атамана казаков. Ссоры сейчас не допустимы. Дешевле будет приблизить несогласного, надо полагать более чем несогласного, чем оттолкнуть его от себя. Противопоставить, нажить открытого врага. А им обоим еще воевать и воевать. Поэтому амбиции в сторону.

Он действительно заставил себя забыть неприятный инцидент с Красновым. Зная цену компромиссам как лучшему средству в улаживании конфликтов перед неуступчивостью (хотя сам бывал иной раз тверже алмаза), посчитал, ни к чему сейчас доводить дело до курьеза. Говорят, на переправе лошадей не меняют. Разумно!

– Генерал, на ваших глазах неприятель оставил позиции и ищет спасения в Петрограде. Гоните своей конницей его до города. Там силами гарнизона и казаками очищайте его. Большевиков хорошо бы низложить еще в зародыше.

– Нельзя посылать пять сотен сабель на пулеметы красных. Они их перемелют на колбасу в первой же атаке, подождем прибытия бронепоезда и батареи орудий. Возьмем красных в клещи... – Тоже вроде о деле говорит...

Площадь перед вокзалом запружена народом. Будь то пехота, солдаты находились бы в строю или отведены на отдых. Но поставь кавалериста в строй – не знает он этого. Конь знает, а казак... Тоже знает, но не показывает. Потому на площади, как на базаре: толчея из людей и лошадей вместе. Будто нарочно неразбериха создалась. Человеку даже военному не просто понять, что к чему. Запутается...

Однако этого не сказал бы только один человек из всех, генерал Краснов. Какая глупая игра в кошки – мышки завязалась на узкой полоске земли, именуемой фронтом. На этой вытянутой языком пяди российской земли вдоль железнодорожных путей и автомобильной дороги Гатчина-Петербург. До самых подступов к столице. Бессмысленные передвижения войск не давали никакого представления о происходящем здесь. Ни о картине боевых действий вообще, ни о том, кто кого здесь воюет. Его, Краснова, затея играть в детские игры, его спектакль, часть его плана предательства. Третьейское соглашение адептов Черемисова, Полковникова, Краснова. Согласованный сторонами план предусматривал проведение «опера-

ции» максимум за полутора недели. Четыре дня оставалось до срока. Красные уже близки к полной победе над «жиденскими» силами защитников Революции.

– Вот и все. Дело в шляпе! – Готов подвести итог сделанному скорый на похвальбу Черемисов. Его осадит Краснов, сильный корпус дает ему право на решительное слово.

– Спешка вредна на войне, особенно в нашем положении. А вдруг карты наши откроются, и банк срежут другие. Войска, которыми мы будто бы повелеваем, не предсказуемы. В головах у солдат и младших чинов полный сумбур. Нынче они нашим, завтра не нашим...

4

* Революции нужны, если они чистыми помыслами порождены * Но чистых революций нет, не было и быть не могло...

Генерал Духонин вот уже несколько дней подряд не может выйти на связь с Главкомверхом Керенским. Он, начальник штаба Ставки в Барановичах, пристально следит, насколько это возможно в его положении, за развитием событий в столице. Его удручают сообщения идущие оттуда. Как истинно российский по духу, уму и делам военный человек он жил и живет радостями и горестями Родины. Сейчас Родина была в опасности. Как ей помочь? В его руках немалые силы. В данную минуту он, Духонин, один правит фронтами. На огромном пространстве идет война. Продолжается, несмотря на то, что где то там, как из подворотни, раздаются голоса «Долой войну, айда домой!» Так мировые дела не делаются. Это только дальтоник мозговой, штатский бездельник, интеллигент, не имеющий понятия не только в военном деле но и в том, на чем крендели растут, может распространять подобную чушь.

Наконец генералу Духонину ответили по прямому проводу из Пскова:

– У аппарата Главкомверх генерал-лейтенант Черемисов, слушаю Вас Николай Николаевич. Какие у нас успехи на фронтах? О них доложите позже. Что за вопрос у Вас ко мне?

У Начальника штаба Ставки повело скулы как при параличе.

– Как Вы это себя назвали – Главкомверх...Александр Федорович... умерли или у нас тоже переворот.

– Считайте, что «Да». И то и другое...

– Этого нам только и не хватало. Времечко выбрано точнее не куда.

– Керенский самоустранился от дел. Свои полномочия передал мне. Прошу следовать моим указаниям.

А это уже вежливый приказ самовыдвиженца. И какая самоуверенность!

– Смею Вам заметить, перестановки и назначения в военном ведомстве происходят в ином порядке, а не как кому вздумается. А захват власти карается по законам военного времени. Я не имею прав признать Вас в должности, каковую вы обозначили. И тем более выполнять ваши приказы. К измене долгу вы меня не принудите. Случись этот разговор при нашей личной встрече, я имел право расстрелять вас на месте. За измену Родине! Честь имею!

Было над чем подумать Начштаба. По глубокому рассуждению выходило, Глава России занимает круговую оборону: с флангов и с тыла от своих генералов, предавших его, с фронта, от большевиков. Надежные полки с фронта снимал генерал Духонин, чтобы подкрепить силы Главкомверха под Петроградом. Гнал эшелоны туда, где их ждали. Где за их скорейшее прибытие молились солдаты. Но те эшелоны шли в никуда, терялись на полустанках или просто не двигались с места. Не получив подкрепления, войсковые подразделения вынуждены были оставлять позиции, нести большие потери.

Но во имя чего стреляли друг в друга озлобленные люди? Кто их так умело стравливал? Мировая война – это особая статья. А внутренняя, «своя» война? Нет большего позора чем

«резня» между собой граждан одной страны. Это безумие целого народа. Тот, кто ввергает народ в безумие, кто первый выкрикнул «Даешь войну гражданскую», тот и есть антихрист. Он есть самый первый в очереди людских ненавистников! И его ждет участь самая мучительная в аду. Скрюченным в котле адовом, в смоле вонючей и огненной кипеть вечно. И не будет ему упокоения. Никогда. Только так! И ни как не иначе!

Было, было такое уже – сидение под Азовом, стояние под Перемышлем, многие другие геройские дела российских ратников вспомнить можно. Но вот еще одно новшество в военной тактике появилось – топтание под Петербургом. Обесславилось наше воинство. На решительный приступ Командующие (их только одних несколько десятков) сил набрать не могут, а то, что имеют в наличии, двинуть вперед у них тоже не получается. Не войско стоит перед столицей, в которой красная гвардия хозяйничает, а будто не смазанная телега перегородила дорогу поперек. Супротив кого же оно, войско, стоит (или топчется), что одно и то же? Велики ли те силы, которые не дают ни проходу казакам, ни движению поезду броневому и ни провозу пушек батарейных? Какие слухи ходят вокруг Питера на этот счет?

Лучше всех знают про революцию красных сами красные и еще всякие писатели, поспешившие из-за границ. Один дотошный американец сколотил группу для наблюдений и собирания слухов. Знать им надо кто и что делает в каждый день революции. То есть считают, за сколько дней красные победят демократов, и власть свою окончательно установят. Свои, американцы из его группы, просят поделиться наблюдениями:

- Джон, ты уже посчитал, в какие сроки большевики уложатся со всеми делами?
- Думаю, десяти дней им будет в самый раз.
- ОК.

Отчаянный американец с дикого Запада, репортер тамошних печатных изданий, развил в Петербурге бурную деятельность. Особенно интересным для него с товарищами выдался вот этот денек. Среда, 25 октября. Утро. Грязные облака задевают шпиль Адмиралтейства. Промозглый ветер с Финского залива. Непогода удерживала по квартирам любителей бесцельно побродить по городу, поглазеть. Улицы были пустынные, словно предчувствуя что-то нехорошее, город не хотел просыпаться. Репортер Рид Джон, однако, находился на работе. Он шел с газетой «Рабочий путь» под мышкой, купленной им у разносчика на улице, размышляя над беспечностью русских. «Такой день, а они спят. Вроде бы у них назначено today завоевывать Зимний дворец. Но не похоже на то. В Штатах у нас все давно бы уже охрипло от криков. Мы охотно кричим, дай нам повод.» На углу Морской ему попался знакомый, также озабоченный предстоящими событиями.

– Где ваши борцы за свободу? Не видно ни кого. Моя страна хочет иметь жареные факты. Их нет ни там, ни сям, – янки начал уже перенимать русскую речь. – Не стану же я телеграфировать в Нью-Йорк, что я встретил на улице вот тебя, «отшень» важную фигуру. Ах, как это не смешно! Вот вам новость, господи! Босс будет посылать меня за такую новость ко всем чертям – матерям куда подальше за такую works.

События постепенно начинают набирать обороты. На Исаакиевской площади кучками маячат военные с оружием, непонятно, что они здесь делают. Старый человек в генеральском облачении нервно объясняет солдатам, что он генерал Алексеев Николай Иудович, и никто не смеет чинить ему препятствия и тем более его задерживать. У входа в Зимний дворец охрана. Пропуск, выписанный иностранному репортеру неизвестно где и для чего, здесь также действителен, и он проходит в монаршую обитель.

В парадных залах царит образцовый беспорядок. Грязь и захламленность, сорваны гобелены, на паркете объедки пищи, на матрасах, брошенных на пол, спящие юнкера, некоторые полотна порваны штыками. Тяжелый дух казармы. Весь вид интерьера действует удручающе.

- Что вы здесь делаете? – Спрашивает у офицера.

- Защищаем Дворец. Ожидаем атаки красной гвардии...
- Нельзя ли побеседовать с господином Премьером?
- Министр-Председатель в данный момент находится на фронте.

Потом газетчик будет сидеть на подоконнике в прокуренном насквозь зале, слушать наспех составленные выступления. Писать отчеты о том, как преобразовывается Россия из одного состояния в другое состояние.

Красные потом припишут репортера Джона Рида к великим борцам за Новую Россию. Но быть может это только его прикрытие. Он не раз еще пересечет океан, недолго посидит под арестом, как бы нарочно в Нью-Йорке и Гельсингфорсе. И будет отпущен на волю. Окончит свои дни в Финляндии. Тело, видимо, переправят в Россию на корабле, подобно тургеневскому Инсарову, когда черный гроб с его телом одиноко покоился на цепях в каюте во время перехода по штормовому Внутреннему морю к себе на родину. И конец эпопеи американского репортера окажется грандиозен. Сам вождь прочитает его «Десять дней, которые потрясли мир», высоко оценит произведение для дела мировой социалистической революции. Автора похоронят на кладбище, устроенном у кремлевской стены с воинскими почестями. Думается понятно, зачем нужно было пространно освещать этот ничего не значащий эпизод.

Произошел он в среду, 25 октября, 17 года. Был холодный, неуютный день. Америка, западные государства с опаской смотрели в восточную сторону. А Россия! Какая страна! Все была-была, как звонили по всему миру, отсталой, ниже нижнего разряда и вдруг встала на дыбы. Меньше чем за год шагнула сразу через две ступени вперед. В мире признали Россию самой демократической страной. Однако надо взять в толк тот большой недогляд, допущенный западниками относительно России, что она не только передовая по устройству, но и самая могущественная по своим богатствам и прежде всего своим народонаселением. Сильно ошибались тамошние господа. Да Бог с ними...

5

* Гатчинский дворец, как тюремный застенок * Керенский им не по зубам * 31 октября–1 ноября, 17 года * День и ночь сутки прочь

В очередной раз казацкие сотни решились вступить в схватку с красными. До этого утра, 31 октября, корпус делал попытки перейти в наступление, но казакам все чего-то не хватало. Так и не обнажив клинков, они разворачивали коней и поспешно отходили. Сейчас войско двигалось к Царскому Селу. Главковерх в бинокль следил за боевыми порядками наступающих казаков. Заняв место на верхней площадке обсерватории, находящейся на полпути от Гатчины, Керенский как на ладони видел панораму действий генерала Краснова. Мысленно посылал ему сигналы: «Не мешкать... Вперед... Быстрее...» Сигналы так и остались мыслями в голове подававшего их, не высказанными и не услышанными. Зато Главковерх услышал команды атамана, там далеко впереди, своим казакам. Команды, возымевшие немедленные действия. Лавина разгоряченных коней начала разворот, пропустив через себя облако пыли. Попятный ход их означал, что Краснов уже не колеблющийся изменник, а открытый коварный враг. Напоследок он преподнесет такой сюрприз, что и охнуть не успеешь. Какой же?!

Гатчинский дворец разноголосо гудел от большого скопления людей, когда машина Керенского остановилась у парадного подъезда. Среди привычных солдатских папах, казацких лампасов виднелись черные бушлаты и бескозырки матросов. Подбежавшего к машине коменданта Александр Федорович резко встретил вопросом:

– Почему здесь моряки? – И уже мягче, – Не положено! Наведите порядок. Ненужный, пустой вопрос. Лишь бы не молчать, услышать свой голос.

Он был вне себя от неудачи последней попытки, так ему казалось, и он не обманывался, ворваться в Петербург и рассеять, разгромить, раздавить в зародыше красную крамолу. Еще была возможность овладеть инициативой, пусть малая. Но была, имелась возможность! Как эта его мысль, она зародилась и теплилась в сознании, жила в нем до последнего, вплоть до этой минуты. Он знал это, чувствовал каждой клеточкой организма.

Разум берет верх над чувствами. Правитель России овладел собой. Будто и не было мучительных переживаний, не было тяжести раздумий. Как всегда тверд, уравновешен, непоколебим. Про себя он называл такое свое состояние тремя словами: Взять себя в руки! Он шел в свои апартаменты, не прибавляя шагу, и сторонний наблюдатель не отметил бы ничего особенного в нем, что указывало бы на нависшую над ним непосильную тяжесть. Разве только вот этот штришок – чуть ниже, как бы под самый его высокий лоб, опущен его взгляд.

Нет! И еще раз, – Нет! Не от стыда за себя, как неудачника, он не мог, не смел глядеть в мир прямо, открыто. Самолюбие его никогда не мучило, и мелких страстей он никогда не знал. Своим умом Керенский охватывал всю родную землю. Возникшие сто дней назад радужные надежды людей, словно солнечное озарение, сейчас гаснут, исчезают. Все дни наперечет до этой роковой минуты он самоотверженно боролся за Россию. И мысли не оставил, что сложит оружие борьбы. Априори полагает, россияне не поступятся добытой свободой, не смирятся с режимом, какой навязывают им против их воли. Народы Сибири, Поволжья – по всей стране не захотели связывать свою жизнь с большевиками. Не захотели впадать в другую, быть может более глубокую зависимость. Такое уже бывало в России и не раз. Народ попадал из огня да в полымя. Против произвола и восстала Россия-матушка. Значит он, Керенский, не проиграл сражения. Время еще покажет, на чьей стороне правда.

Страшная физическая усталость ломает кости. Если бы не молодые силы, не выдержат ему напряжения этих самых трудных дней. Александр Федорович и до этих, последних октябрьских дней, часто оказывался заложником событий. Событий, которые будто того и ожидали, чтобы взять его в оборот. Он не имел права устраниваться от дел, находящихся в компетенции, скажем, тех же Черемисова с Красновым. Лично проследить и удостовериться в выполнении отданных приказов. Не его это забота. Да, не его! Но если время ныне такое, ни на какое другое не похожее. Сидеть, сложив руки?

Не успел Правитель стряхнуть с себя дорожную пыль, как раздался грубый стук в дверь его кабинета. Краснов собственной персоной. Развязно и с апломбом, словно перед ним не Предержавший всю полноту власти Государства, а какой-то там вахмистр, с которым позволительно разговорить с высока, помыкать им. Требовать, указывать, настаивать.

– Буду категоричен, – повел он речь без всякого перехода и вступления. – Дела ваши плохи, даже критические. Чтобы спасти репутацию, а возможно и саму жизнь, необходимо принять незамедлительно меры. Вы должны выйти с инициативой о заключении перемирия с большевиками. На условиях, какие они предложат и какие окажутся и вам приемлемыми. Вам вот о чем желательно договариваться. Об амнистии всех причастных к боевым действиям. О предоставлении лично вам безусловного права на выезд из страны...

– Не продолжайте. Не трудитесь. Как я понимаю существо вопроса, вы достаточно компетентны в нем. Передайте остальным заговорщикам, что я не намерен проявлять инициативу и выезжать.

– Вы не учитываете положение, в котором пребываете в данный момент. У вас нет, и не будет другого выхода. Вы ведь не решитесь на крайнюю меру, я полагаю? Для этого надо иметь....

– Достоинство и честь!

– Этого даже с излишком. Достаточно и мужества одного...

– Для труса, вероятно, хватит и его одного.

– Но мы не пришли, ни к какому конкретному согласию. Ваше «Нет»! – это окончательный ответ?

– Да, окончательный!

– Однако я вынужден буду отправить в Петербург парламентариев, безотносительно с вашим ответом. И так, утро вечера мудренее.

Александр Федорович умел скрывать свои переживания от чужих глаз. Даже самые острые. Давалось такое умение большим напряжением воли. Требовало невероятных затрат физических сил. Как гипнотизер, телепатически воздействуя на человека внутренней своей энергией, по окончании сеанса лишается сил. Так было и сейчас с ним. При неловком разговоре с грубым, зарвавшимся предателем. Недуг, вызванный негодованием, наполнял организм не вдруг, постепенно. Слабость наплывала, парализуя движения. Еще немного и он бы рухнул. Два его адъютанта вовремя подхватили шефа.

Керенский знал за собой такую реакцию нервов своего организма. Проявляло оно себя одинаково. Когда в нем вскипало вдруг все его существо, и он сдерживал его всеми силами, не выпуская наружу. Кризис отступал, когда «припадок» истощался. Он исчезал бесследно.

Такое случалось крайне редко. Последнее было в августе. Министр-Председатель прибыл в Москву на Государственное совещание. Большой театр едва вмещал делегатов. Дебатировались важные государственные вопросы. Керенский как обычно много выступал. С краткой, но весьма емкой речью, к совещанию обратился и Главковерх Лавр Корнилов. Его речь затронула коренные, на тот момент, стороны осуществления реформ в стране. Вспыхнул настоящий фурор в ярусах театра. Массовый психоз охватил делегатов. Находясь на сцене, в центре внимания зала, Александр Федорович вдруг заговорил как-то несвязно и путано. Зал затих. Правитель находится на грани нервного срыва. Силы оставляли его.

Тогда признали, то, что с ним произошло, это вероятнее всего результат непрерывной изнурительной работы. Но никак не болезнь. Хотя, а это знал только он один, перенесенная операция по удалению одной почки в недавнем времени еще давала о себе знать. Мужественно отдался Александр в руки врачей, не без поддержки Ольги Львовны, ее нежности и любви, уверенности в благополучном исходе. Она и безотлучно была при нем все дни в Финляндии, где Александр поправлялся после операции. Это было, пожалуй, самое счастливое время, позволившее ему упиваться давно позабытыми ласками обаятельной Оленьки и покоем. Но очень недолгими. Сам того не желая, неугомонная его натура побуждала к действию. Это была борьба с самим собою, и он уступил тогда своему второму «Я».

Тот же результат был и только что. Закончился он также ничем. Поднялся Керенский с места, как ни в чем не бывало, и, видя испуганные глаза адъютантов, рассмеялся.

– Что же нам надо сделать сейчас? Не знаете или знать не желаете? Молчите? Зато я знаю. Прежде обдумаем как следует обстановку. – Молодые ребята, совсем юнцы терпеливо ожидали приговора.

– Я останусь с вами до самого конца. Что бы ни случилось. – Отозвался младший. – Будете прогонять – все равно не оставлю вас! Вот его, – он показал на товарища, – Он пусть отправляется домой. Там дочка его ждет. А я здесь, вместе будем отбиваться.

– Логично вы мыслите, молодой человек. Так и поступим. Пока еще ничего не случилось. Время терпит...

Малосведущий в простых жизненных ситуациях, Александр Федорович и подумать не подумал, что кого-то в эти минуты волнует, заботит его судьба. Что верные ему люди, их много, они рядом с ним, совсем близко, уже знают, как ему помочь. И помогут. Непременно!

Но такая у него, особая что ли, натура: он не пользовался чьей-то помощью, не просил никого об этом. Не знал этой услуги и не рассчитывал на нее. Все делал сам, надеялся только на себя. А жизнь учит с умом подходить ко всему, что выпадает на его долю, к плохому, и к хорошему. Александр Федорович удивлялся, когда в этот критический момент к

нему в кабинет заходили незнакомые люди, предлагали свою помощь. Скрытно вывести из Дворца, укрыть в надежном месте. Один престарелый служитель, знавший в старинном замке все ходы и выходы, предлагал воспользоваться тайным подземным ходом. По нему можно пройти к вокзалу и сесть на поезд. Но это возможно только в ночное время. А время, как оказалось, уже не могло ожидать....

Утром, 1 ноября, вместо ожидаемых из столицы сообщений от парламентариев, в Гатчинский дворец прибыл член Реввоенсовета Петрограда Павел Дыбенко с большой группой матросов. Своих преданных помощников в погромах и расстрелах. Страшная личность своей жестокостью. Появление этого человека в Гатчинском дворце не предвещало ничего хорошего.

Давнишнее это дело. Как то среди массы неотложных дел Министру – Председателю доложили о беспорядках, творимых революционными матросами на флоте. Боевые корабли они чуть ли не захватили в личную собственность, парализовали их боевую мощь. Во главе анархистствующих матросов выделялся своей фигурой и буйным неукротимым нравом, завязанный выпивоха и буйан Паша Дыбенко. Он и многочисленная его команда разложили до основания Центральный комитет Балтийского флота. Флот тут же утратил свое значение, как мощная военная сила. Анархисты издевались и расстреливали флотских офицеров. ЦК большевистский не мог упустить из своих рук такую близкую, даже более того – родную по духу силу. Мощный кулак Дыбенко, его маузер с успехом справлялся с матросской стихией, с теми, кто стоял на его пути. Тупая сила «пошла» гулять по морю, по столице российской. Паша-орел, как величал его Петербург, наводил страху на госорганы Новой России. И Временное правительство разогнало не нужный и даже вредный Центробалт.

Памятные события воскресли с новой силой. Паша Дыбенко уже здесь, в Гатчинском дворце. Он не тот, каким был еще месяц назад, простой матрос. Это доверенное лицо вождя. Член Реввоенсовета Петросовета. Через пару недель поднимется на большевистский Олимп, займет пост Народного комиссара по морским делам. Высокий взлет необразованного, но с умом парня из глубинки, это не чудо из чудес. Его встретила другая знаменитость из окружения вождя – Александра Колонтай. Адмиральская дочь, еще там в Швейцариях, нащупала компанию дельцов, с далеко идущими целями. Красивая женщина, с авантюристическим уклоном характера. Почему бы ей не скрасить суровый однополюный быт кучки будущих народных вожаков, как они себя видели в перспективе. Паша и Саша не могли не встретиться в силу действия земного магнетизма. Естественно, Саша заняла руководящую позицию. Дыбенко как был, так и остался при ней политическим авантюристом. Первым своим личным врагом он считал Александра Керенского. С ним одним хотел сразиться. Судьба благоволила ему.

И так, Член Реввоенсовета должен разобраться с Правителем России, что с ним делать и как с ним быть.

– Там внизу на первом этаже дворца, матросы с казаками собирают то ли совещание, то ли суд над Вами. – Пробравшись в дальние комнаты к Правителю, докладывал поутру дворцовый служащий. – Выход всего один отсюда. Он под караулом. А тайный подземный сгодится только ночью. За день они наделают дел с кучу. Надобно искать другой способ выйти незаметно.

Просто сказать, проскользнуть между пальцев у стражи. Сделать это невозможно. А обстановка все накаляется. В дверях появился генерал Краснов. Зачем он здесь?

– Дыбенко готовит судилище. Судьи как на подбор, махровые головорезы. Мой совет: (он снова со своими советами) уходить надо немедленно. Пока матросы не вошли сюда.

– Что это он так печется обо мне? Совесть свою продажную укрощает? Затворник и думать не знает что. Во всяком случае, надо действовать. Сидеть с взведенным курком револьвера и ожидать... Чего, спрашивается, ожидать?.. Пустить себе в висок пулю? Никогда

не поздно. – Александр подозвал к себе адъютанта, последнего, остальных своих верных людей отпустил, обняв за плечи.

– Видишь, дружище, нам круто не повезло. – Лицо юного друга посуровело.

– Будем отбиваться вместе. Я с вами до конца.

– Достойное решение, не сомневался в нем. Давайте поступим разумнее. Вы сей же минут выйдите из дворца. Я так же попытаюсь выйти отсюда. Главное не паниковать. Попытка не пытка!

У парадного большое скопление казаков и матросов. Все ожидают чего-то особенного. Но если через толпу пройдут два матроса, кого это озадачит? Никого! Толпа психологически настроена на иной сценарий. Почему бы этими матросами быть не нам, мне и проводнику. Он уже здесь. Бог нам поможет.

Ближе к 11 часам в кабинете Правителя снова возник Краснов. Заметно взволнованный, он сходу выложил свое требование:

– У Вас нет ни минуты времени, не медлите. Уходите. Сейчас сюда поднимутся люди Дыбенко, чтобы произвести арест. – Генерал был в испуге, как будто опасность висела над его головой. Руки подрагивающие, движения суетливые. Все это отметил в уме Александр, ощутив в себе прилив сил. Он словно ожидал появления извне способа применить эти силы, и способ воображаемый, вот он здесь, рядом с Керенским.

Двое матросов совсем не знакомые ему, впервые видит их, вошли и без слов принялись переодевать его в морскую форму. Оглядев преобразившегося человека, один из них высказал фразу, врезавшуюся в память навечно:

– Вашу голову обменяли на 3-й Конный казачий корпус. Скоро придут за Вашей Головой большевики. Они выиграли лот. Выходим спокойно, нам ни до чего нет дела, взгляда не прячем. На худой конец имеем вот это – четыре гранаты.

Выход только один, через Парадный подъезд. Там люди, охрана. Но опаснее всего матросня наркома Дыбенко, привезенная для ареста Керенского. Или для расправы на месте. Полномочия и на то, и на другое выданы по форме.

У Парадного входа Гатчинского Дворца разношерстное сборище из солдат, матросов, служивых людей в штатском. Шумная компания то ли время здесь коротает, то ли приставлена для охраны, не понять для чего. Вот появился бойкий матросик, ленты бескозырки у него до пояса, клещи брюк закрывает штiblеты. Сразу видно, плясун это завзятый.

– Расступись, братва! – крикнул звонко парень, и пошел колесом, раздвигая круг. Выделявая хитроумные коленца, запел в такт хлопков ладоней зрителей задушевную моряцкую. – Эх! Яблочко, да куда ты катишься, к буржуям попадешь, не воротись. . . – Танцор с большим запасом соленых словечек и прибауток развеселил публику. Толпа сама организовалась, все внимание на плясуна.

В людской гуще, стараясь не привлекать к себе внимания, три матроса миновали толпу. Они уже на свободе. Остается сесть в машину. Но ее нет на обычном месте. Заминка. Нервы на пределе. Но это истина, что ангелы-хранители кружат над головами праведников. По сторонам от троицы снова, будто выросли, двое незнакомцев. Один, не разжимая рта, как чревоуещатель, сообщает: машина у Китайских ворот. Прямо и за угол. . .

Эти парни свои. Сколько их скрывается в толпе, поди узнай. Известно, что не мало. И только волею обстоятельств они не раскрывают себя. Не теряют веры в истину. Троица в машине. Тут же и сопровождающий. Знакомится с Керенским: «Зовите меня Ваней».

Нет на Свете вернее и звучнее русского имени Ваня, Ванюша, Иван.

Александр Федорович Керенский не сложил с себя высоких полномочий Правителя России и, не склонив головы перед роком, уходил в неизвестность. . .

Фэнтези

Однажды на краю вселенной

II

(Продолжение)

Столпп, хотя он и не погрешим ни в чем и голову на плечах носит свою собственную, однако заболел подозрениями к своим творениям – IR. Все началось с этого мудреца IR-1, не ровно дышащего к IR-40. Думу думает, не перестает. Никак не ухватить ему конец нити Ариадны. Чтобы вывела из тупика на простор. Мысль рвется-обрывается. First! Вот кто сидит у него в печенках. Эти его кровные дети, если так можно сказать о сорока роботах, которых он поставил на ноги, интуитивно признают его своим «папа'». Беспрестанно, с удовольствием демонстрируют перед ним свои чувства: «Слушаемся и повинуемся!» Всякий раз в дело и без дела, галантно расшаркиваясь, они заученно твердят эту фразу. Правда, сладкоприятную и велеречиво ласкающую его слух. А больше всех показывает свою угодливость First. О, хитрец! Таким приемом он думает обвести Столппа вокруг пальца. Он, казалось, помимо, в обход «папа'» готовил плацдарм под какие-то свои планы. Будто весь Антимир в него вселился. Веет от него энергией не земной. Темной. А что, если окажется ему под силу один из постулатов Вселенских, сумеет он как-то изменить или нарушить раз и навсегда установленное Постоянство. Или просто рукой эту Konstant потрогать. Взять, к примеру, силу Всемирного тяготения или ее взаимную зависимость от Вакуума. Или что-то в этом роде! И тогда! О, Силы Темного Космоса! Оберегите и спасите нас от неразумного Разрушителя...

Однако он, Столпп, не настолько прост, чтобы позволил кому бы то ни было с легкостью обращаться с Органом-Разумом, этим гипоталамусом, созданном на био-элементарных-долгоживущих частицах. Таким живо-искусственным органом снабжены все роботы из его отряда. Каждый из них даст фору любому живо-рожденному. Именно поэтому Столпп не позволяет возвращенным им IR-роботам бесцельно расходовать драгоценную энергию.

– Не позволю! – Сердито внушает он воспитанникам. Вслед за этим восклицанием, Столпп плотно закрывает рот, дабы не выпустить вместе с воздухом с языка секреты секретов. Держит их под спудом, как под замком. Целых три секрета. Мало? Но каких! Если древние люди полагали, что их Планета держится на трех китах или трех слонах, то Творец утверждает, что вся Вселенная, нет, не планета, вся Вселенная, покоится на трех секретах. Его, Столппа, секретах! И он, Столпп – единственный Повелитель Вселенной. Это звание он присвоил себе сам, на основании умозаключений, опять же своих собственных.

Располагаются IR-ы в Центре Искусственного Разума отдельно друг от друга, каждый в личном ваксале. Здесь есть все для их интеллектуального развития. Ведь они сотворены так, словно их мать родила, а потому и процесс «воспитания» должен быть соответствующим. Это же не устройства механические, а скорее машины одухотворенные или точнее сказать – даже одушевленные. Столпп на досуге и просто так мимоходом увлеченно беседует с IR-ми. Во время «общения» с ними (и так можно сказать) творец подмечает в их поведении малейшие нюансы, доводит настройку программ до совершенства. Как часовой мастер добивается в регулировке механизма предельной чистоты, так и Столпп корпится над каждым роботом. Но случается, IR сближается с Высшим Разумом «VR» настолько плотно, что сама грань между ними исчезает.

Заходит как-то по неотложному случаю Столпп к First, к нему в ваксал, и находит там кроме хозяина Fortieth. Коллеги живо обсуждали интересный для них вопрос, кажется, он касался предстоящей экспедиции в окрестности Черной Дыры. Больше распространялся, конечно, First, а Fortieth, как говорится, мотал себе на ус умные мысли наставника и влюблено глядел ему в рот.

Многое знал Столпп о своих подопечных, но вот такое чисто человеческое, как их жажду общения с себе подобными, отметил впервые. Что это может означать? Хорошо это или плохо? Вроде бы одиночество, существование в изоляции им ничем не грозит. С ума они не сойдут от этого. Тогда что же? Творец обязан был подключиться к разговору. Два собеседника это хорошо, но трое лучше. Он обладал талантом незаметно входить в круг интересов собеседников, поддержать и развить тему. Что он тут же и сделал.

– Похвально! Похвально слышать столь глубоко научные обсуждения моими пионерами новейшего направления в прогрессе современности. – Столпп обожал пространные рассуждения или, как он говорил, длинноты в выражении своих мыслей, называя их фундаментальными. – Но вот скажите, – Продолжил он свою мысль. – Скажите, каково ваше отношение к такому поведению индивидуума, как в случае эгоцентризма? Имеет ли оно, это такое экстраординарное поведение, право быть использовано, или точнее, применено в условиях вашей предстоящей деятельности там, вдали от цивилизации, в Темном космосе?

– Я, я знаю ответ! – Заторопился Fortieth. – Да, там, именно во Вселенной, я, как и любой другой индивидуум, должен ощущать, требовать, быть ее Центром. Мое «Я» – там должно приниматься в Абсолюте! Если доступно вашему пониманию такое мое определение. – Смущенно горячился и одновременно извинялся младший робот, ища одобрения у своих слушателей.

First не отвергал, но и не одобрял мнения приятеля. У него умная позиция, ничего не скажешь! Со своей стороны, Столпп верил в истину чистого разума, опыта и практики. Сейчас он решил, что называется, до конца прощупать своих питомцев.

– Что скажете на такое непростое мое предложение. Предлагаю поразмыслить над проблемами биоцентризма. Весьма интересными и нужными для вас они окажутся в исследованиях Вселенной.

Стопп про себя подумал, правильно ли он поступает, нацеливая роботов на такие сложные научные проблемы. Сейчас или потом, когда наберутся опыта. Его то и надо, по его мнению, «призвать в арбитры». Время укажет истину. Уже скоро. В окрестностях Черной дыры, где группа Стоппа в стихии Вселенной начнет свою работу. Для осмысления проблем у IR-ов будут и условия, и время... Его соображения пришлись ему самому по нраву.

– По какому такому случаю мне понадобился First? – Задумался Стопп...

(Продолжение следует)

Часть третья

* 1904-й год... * Быть адвокатом, означает быть образцом кристальной морали * Счастье, как ущербная Луна, краешком показалось * Мозг живет во взаимодействии с обстоятельствами * Столпш делает новое открытие

1

Россия, прихорашиваясь, словно красна – девица на выданье, целомудренная и краснощекая, входила в новый век с великими надеждами, не ведая своей горькой судьбины. На безоблачном ее небе не было видно черных туч. Не слышно по ветлам голодного вороньего гая. Не ходят под окнами вереницы нищих с жалостливым прошением «Подайте Христа ради...» Живи страна величаясь в довольстве и славе. Все у тебя есть в достатке. И люди с поднятой головой, с взором ясным. Смех да песни слышатся по русскому раздолью...

Всего более счастья в этом году привалило Саше Керенскому. Потому ему и видится Россия такой славной и любимой, словно блин в масле плавающий. А быть может и не Россия вовсе видится ему такой. Сам себя он видит в блаженстве утопающим. В 23 года от роду почувешь себя, не то, что на земле нашей грешной, на Седьмом небе окажешься в сонме архангелов. Вот там Саша и витает в их окружении. Ну как не стать мечтателем романтиком, если он не в силах отвести взгляд от такой красоты, как его Оленька!

Как это случилось, сам не знает и не догадывается. Очень уж узким был круг его знакомых в Петербурге. Две-три семьи всего, с которыми еще родители общались. Еще на первом курсе обошел их дома разок-другой от скуки одиночества. Не очень разгуляешься. Что делать ему, молодому да свободному? На Невский проспект или в Летний сад идти хандру разгонять? В Александрийский театр, наконец. И гулял, и наслаждался, и смотрел. Впечатлительная натура его требовала чего-то большего, неизведанного – пищи для души. Книжки, которые он проглатывал десятками, не могли насытить его любознательность. В окружающем юношу студенческом мире столицы в избытке красовались Цветки вольной жизни. Саша знал, как опасно подходить к ним, любоваться ими, очаруют и пленят. Нет и нет! То ли нерешительность или противоречивость какая удерживала парня в зрелых годах в строгих рамках. Да он и не из трусливых парней вовсе.

– Таким сиднем сидеть и собираешься? – Пристыдил его однажды Саша Овсянников, однокурсник. – А знаешь, обнаружился здесь кружок один. Очень даже приличный, только не хмурься заранее, в любовь там не играют, и тебе ничто не угрожает. Да, кстати, тебя никто не зовет в него. Вот возмнил чего о себе. – Приятельски издевался он над затворником.

– Чем же в кружке занимаются, если не тем «во что не играют» там?

Овсянников знал слабое место друга, никогда не соглашайся с ним, говори ему «нет» вместо «да». Он должен думать. Это любимое его занятие.

– И не возмнил, как ты говоришь, а просто знаю, кружки создаются для того самого...

– Ты многое на себя берешь, как я замечаю. У нас интересы другие, образовательные, строгие, я бы сказал. Читаем прозу и поэзию. Пушкина, Брюсова, Тютчева. А какие люди бывают у нас! Вера Комиссаржевская, Мария Савина. Из нашего брата тоже есть заметные фигуры. Вот тебе пример! Блистательный Сергей Васильев и его кузина Оль...

– Довольно, довольно об этом.... Я даже не подозревал, что у меня есть такой серьезный товарищ как ты, Саша. – И совсем неожиданно вопрос к нему: – Так, когда же мы идем в кружок «читать» Пушкина с Тютчевым? Захотелось поскорее узнать, как у вас там все получается строго и возвышенно.

Недоступный и изящный Саша Керенский через какое-то время, но вскоре после посещения кружка на квартире у Барановских, прочитал другу строки из известного стихотворения, но со своей вставкой:

Как, смеясь во зло Амуру, я писал карикатуру
На любезный женский пол; но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался, сам, увы! с ума сошел.
...Так, Оленька, признаюсь, я тобою полонен

Что делает поэзия с молодым человеком! Лепит из него, как из теста, любые фигурки: от смешного влюбленного и до серьезного женатого. Еще не прошло то время, которое полагается приличиями в подобных случаях, как влюбленный Керенский заявил Овсянникову:

- Поздравь меня Саша. Я женюсь!
- Так вдруг! Ведь это на всю... Хорошо ли ты обдумал свое решение?
- И думать нечего! Не знаю, как жил без этого счастья воплоти!?

Таким высокопарным слогом Александр начал изъясняться только в самые последние дни. Девица из Высших женских курсов, Ольга Львовна Барановская, перевернула в нем все понятия о мужском благородстве, достоинстве и собственной гордости вверх тормашками.

В заветной шкатулке лежал Диплом первой степени об окончании Его Величества Императора Николая II Санкт-Петербургского Государственного университета. Но главное главного было назначение на службу в Санкт-Петербургскую Судебную Палату помощником Присяжного поверенного. А вскоре состоялось и вступление в Коллегию адвокатов. Отныне перед ним открыты все дороги в большой мир. Не жалея сил: трудись, дерзай, прославляй Отечество. Стезя адвокатская для него неугомонного это то, о чем он мечтал и что уже сейчас имеет. Как здорово, что он перевелся на втором курсе на другой факультет. Юридический ему более импонировал. Перспектива здесь необыкновенно круто уводящая вверх. Но и многотрудная. Упадешь, не поднимешься...

Через год у Керенских родился сын Олег. За ним на свет появилось еще одно любимое чадо-Глеб – Глебо – Глебонька. Семья крепко встала на ноги. На зависть другим. Так виделось со стороны. Но как это было там, изнутри, знала одна Ольга Львовна. Женское сердце самое чувствительное.

– Александр, и что это ты все бежишь и бежишь в какую-то даль от нас? Мы с Олежкой и Глебонькой теплом твоим еще не успеем согреться, как ты снова машешь нам ручкой. Согласись, мы живем как бы одними воспоминаниями о тебе, дорогой. Не отгораживайся от нас своей очень важной службой, занятостью. Отвечай на нашу любовь хотя бы капелькой внимания. Будем благодарны и за это.

– Да что ты, Оленька, такое говоришь! Я весь ваш и вы мои без остатка. Я только и думаю о вас, моих самых родных и бесценных – Он прижимал их всех троих в свои крепкие объятия, целуя по очереди в щечки.

– Вот видишь, сам признаешь: ты мечтаешь. И мы мечтаем... Нам, тебе и мне с нашими крошками, семье нашей необходимо ощущение общего тепла. А наша любовь, как ты любишь говорить, не материализуясь, прямо улетучивается в космос.

Так Ольга Львовна пыталась бороться за семью. Но в ее борьбе не было места ревности и упрекам. Их, этих извечных губителей семейного счастья, вообще не было. Умная и стойкая в своей верности мужу, молодая супруга с первых шагов совместной жизни вынесла себе приговор: не будет ей в жизни завидного счастья с мужем. В детях, даст Бог, станет черпать себе для спасения тепла и силы.

Профессора Высших женских курсов многому научили своих воспитанниц. Всем премудростям высшего Света. Однако жизнь не охватить никакими курсами. В конспектах у

Оленьки Барановской нет параграфа о том, как не дать остыть семейному очагу. Она видит, что уже начался, сдвинулся с места этот процесс, охлаждения отношений. Она ни чем не может его ни замедлить, ни остановить. И супруг не волен повлиять на сложившуюся семейную ситуацию. Он бы всем сердцем прикипел к родным душам, но тут вступает некий противовес, пересиливая чувства и желания.

Федор Михайлович знал за сыном такую его склонность характера как увлеченность. Безраздельная, полная самоотдача выбранному предмету своего интереса. Находиться во власти ее означало отказ от всего остального. От личной жизни, прежде всего. Для многих такая жертва оказывается непомерной. Александр принимал свою судьбу, как ниспосланную свыше, как Богом данную.

Еще раньше, когда Саша метался между выбором куда поступать учиться, отец, как никто другой, понимал душевное состояние сына. Пытался предупредить или несколько сгладить возможные последствия его склонностей. Наклонностей (вот беда какая!), идущих в разрез с политикой государственного устройства страны. Ни больше, ни меньше! Замахиваться на такую высоту не только не допустимо, но и опасно. Это далеко не мальчишеское занятие. Федор Михайлович не желал сыну ничего плохого, но сердцем чувствовал, оно уже грядет.

Все ожидал добрых вестей из столицы, а прибыл сын собственной персоной. При нем письмо казенное. Под сургучом. Лежит конверт на столе между отцом и сыном не распечатанным.

– Читать не стану сейчас. Хочу услышать из твоих уст. Расскажи, Александр, а я послушаю. Мы с тобой всегда ходили в товарищах. Ими и остались. Если смогу дать совет правильный, мое тебе слово. Плохого от меня, отца ты не услышишь.

Федор Михайлович не устанавливал в своем доме никаких порядков, требований не выдвигал. Про него говорили (Саша мальчиком, прячась за шторами в кабинете отца, подслушивал разговоры старших), будто бы отец и родился прямо таким, как есть добрым и степенным. Взор имел ласковый, а говор тихий и не обидчивый. Саша соглашался с их оценкой. Еще бы не согласился! Ведь он отец его. В доме все друг друга любят и почитают. Чего же больше.

Александр как на духу исповедовался перед родителем. Дал слово до окончания университета не заниматься политикой. На время отойти от пропаганды революционных идей. Не произносить вредных речей на студенческих сходках. Именно за вредную речь его выгнали бы из университета. Если бы не имя, не заслуги отца. Начальство скрасило дело студента, отправило его в «академический отпуск с отбыванием наказания в родительском доме» в Ташкенте. А как иначе могли поступить в добропорядочном доме?

Золотая молодежь, та, что к наукам приобщилась и, увидев в них для себя одну пользу, а именно, необходимость переустроить миропорядок в стране, выплескивала страсти во всяких сходках и выступлениях. Во всем винили царя-батюшку. Он, де самодержец! И ответ держать ему. Горячие головы, нисколько не сомневаясь, призывали к лишению Николая престола. Все это казалось очень забавным и увлекательным. Партии (по интересам и по целям) росли как грибы в дождливую пору. Их не обойти, не объехать. Ими менялись, перетасовывали их, как игральные карты. Саше приглянулись эсеры. Пойду в эсеры, решил новый революционер. Хотя не велит отец лезть на рожон, но можно и в эсерах быть тише воды и ниже травы. Но не по его характеру быть не у дел.

В одну из ночей ни с того ни с сего грубо застучали в дверь. Насмерть перепугали Керенских.

– Полиция! Обыск...

Искали улики о причастности Александра к боевой организации партии эсеров. Взяли разных бумаг кипу и револьвер. Взяли и самого владельца. Катит полицейская машина, пет-

ляет по городу, арестант пытается определить пункт назначения. Впереди замаячило пятиэтажное мрачное здание, воздвигнутое в форме креста.

– Вон оно, что... Прямо в Кресты! Да в них сажают только знаменитостей! Комфорт изысканный. Палаты на одного, пять шагов на два с половиной. За какие заслуги ему такая честь? Жил по тому принятому правилу, быть тише и ниже всех. Не знаешь, где споткнешься, где упадешь. В одиночке хорошо думается. Ни он никого не видит и не слышит, ни его никто...

Утром, побывав в умывальнике, Александр обнаружил в кармане тюремной обновки листок бумаги, сплошь исписанный цифрами и знаками. Раздумывая над письмом, понял, ему передали разговорник. Очень умно составленный. Кирпичные стены здесь вместо проводов. Общение перестукиванием довольно эффективное. Через день он уже знал, что здесь также сидит его родственник Васильев, кузен жены Ольги. Сидеть в одиночной неизвестно за какие проступки тяжело вдвойне. Александр требовал назвать ему причину ареста, в противном случае он объявляет голодовку. Понятно, он не имел никакого опыта в тюремных делах, и не знал, что это означает голодать. Решение принято. Пищу приносят, нетронутая она стоит до обеда. Приносят обед, а завтрак забирают. Так же и с ужином поступают. Изодня в день одно и то же. Изнурителен не сам этот процесс. Но аромат тюремной пищи. Ржаного хлеба, баланды и кашицы. Вот от чего в камерах люди сходят с ума. На седьмые сутки за ним пришли надзиратели, чтобы отвести его к начальству, а он не то чтобы идти, он податься был не в силах.

Арест и сидение молодого Керенского оказались сбоем в работе сыскной полиции, ее ошибкой. На долгие пять месяцев упрятали человека без предъявления обвинения. Выслеживали одного преступника, а схватили безвинного. Не исключено, что именно поэтому он затаил в себе досаду на судопроизводство. Впоследствии оказавшись в кресле министра юстиции, первым делом провел реформирование судебной системы. Вероятно, для того были и другие мотивы. После освобождения из Крестов Керенского во второй раз, но уже с женой и сыном, отправляют к родителям в Ташкент. Под надзор полиции. Но вскоре семья возвращается в Петербург. Молодого адвоката ожидают годы интересной и нелегкой службы. Отныне дипломированный студент хорошо узнал свою профессию как снаружи, так и изнутри. Сие его не только не напугало, но прибавило уверенности.

Россия! Много перетерпевшая в своей вековой истории и гордая своим народом страна поднималась с колен. По необозримым ее просторам тут и там, словно в бурной реке, раскручивались водовороты, вспенивая ее гладь. Назревали грозные события. Перенесет ли она их, все те новые испытания, что Господь ей приготовил?..

Недовольство народа, как его ответная реакция на несправедливости, выливалось в решительные протесты, часто в нарушение правил. Суды не справлялись с разбирательством дел. Адвокатура испытывала затруднения в обеспечении политических процессов. Политические защитники считались на единицы, а дела, требующие специфического подхода, на десятки.

Александр Федорович, ни на день не расстававшийся с революционной идеей борьбы за справедливость и свободу, был готовым к таким процессам. Он пока еще наивно рассуждал сам с собой на эту тему: «Скажите на милость, ну что особенного есть в защите обвиняемого, пусть и политического? Из материалов дела не трудно увидеть, кто есть прав и кто виновен. Вот бери в руки факты и начинай уличать прокурора в предвзятости, в непонимании им сути происшедшего или в поверхностном подходе к явным причинам конфликта, а то и в ложной интерпретации самого дела. Он, обвинитель, и сложит оружие, вся его мотивация «преступления» вдруг поблекнет. Присяжные вынесут вердикт – невиновен. Судья огласит оправдательный приговор. Чего же еще надо? Принимай поздравления зала, отвечай на пожатия рук, лови восторженные взгляды женщин, публики всей. И, конечно, благодар-

ность и мольба спасенного от наказания человека. Вот она настоящая награда защитнику! Разумеется, в этом и вся его работа!

– Э, батенька мой, ну и ловок же ты, как я погляжу. – Послушав раз молодого своего опекаемого собрата, заметил адвокат Соколов. – Если бы все так просто складывалось в жизни, нам с нашей профессией нечего бы было делать, насиделись бы в голоде да в холоде. – Николай Дмитриевич в шутку, вроде бы искренне, высказал опасение. Жаль, что я столь много времени положил на тебя. А проку кот наплакал...

В тот, 1906 год, имя адвоката Соколова гремело по России. Процессы с его участием по самым разным делам привлекали внимание широкой общественности. Заставляли думать власти. Ну как без раздражения было принимать такое положение дел, когда на глазах суды оборачивались против обвинения. А обвиняемые сухими выходили из воды. Та же террористка Засулич! Судили ее, а виноватыми были названы власти. Защитников, кажется, уже начали побаиваться. А ну как засудят не того, кого следует?..

Под таким патронажем Керенский быстро набирал силу. В целом же наибольшее значение оказала на него российская адвокатская школа. Как говорили, одна из лучших в европейских странах. Чего стоят такие корифеи слова и дела как защитники первой величины Карабчевский, Заруцкий, Маклаков. Отчетами прессы о выступлениях на громких процессах зачитывались заинтересованные массы людей. По стране ходили легенды о Дмитрие Васильевиче Стасове, патриархе адвокатской корпорации, ее совести и гордости. Его выступления с интересом ожидали, слушали как поэму в стихах, логически стройную, неоспоримую и доказательную. Речь защитника обращалась не к содеянному преступлению, как таковому, а к рассудку присяжных, к образу мыслей того над кем возможно уже навис топор неправого суда. И нельзя предугадать заранее какими станут его заключительные слова, которыми он повернет дело в нужную ему сторону.

Народ по заслугам чтит своих знаменитостей, величая по отчеству, наделяя доморощенными их именами. Славился таким образом Федор Никифорович Плевако. Истинный кумир всех, кого коснулась судьба – неправда своим острым боком. «К которому защитнику попал наш-то селянин арестант? – Спросит иной любознательный, – Может к этому самому Плевакину, который за людей болеет, тогда бояться нечего! Выручит, непременно!

Угораздило где-то священника попасть под суд. Разворовал церковную казну, будто унес ценной утвари много. Попался, как не попасться, судят уж его, несчастного. Обвинитель строг без меры, просит назначить мученику самую жесткую кару. Все идет к тому, что попу белого свету не увидеть. Зал судебный битком набит. Волнуется. Ждут защитную речь. А Плевако тот все заседание сидел, как воды в рот набрал. Ну, попу хана, значит. А надо заметить, что он (хитрец какой!), заключил пари с Савой Морозовым, что он якобы сумеет за одну минуту свести дело к оправданию священника. По чистой! Ударили по рукам. Понимается это Федор Никифорович, когда ему предоставили слово, так ни шатко, ни валко с места, выходит на середину зала, становится перед лицом коллегии присяжных и молвит с язвительной укоризной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.